

ВЛАДИМИР
ВИДЖАЙ

1000
И
ОДНА
ЖИЗНЬ

Владимир Виджай
1000 и одна жизнь

«Издательские решения»

Виджай В.

1000 и одна жизнь / В. Виджай — «Издательские решения»,

Тысяча и одна жизнь... Такие разные, такие непохожие. И в то же время каждая — как яркая вспышка сверхновой звезды на безграничном небосклоне. Большинство рассказов Владимира Виджая (псевдоним Владимира Арутюняна) — не о каких-то известных на весь мир людях, не о знаменитостях, они о тех, чьих имён нет в энциклопедиях или учебниках истории, о людях простых и скромных. Но за каждым героем книги стоит яркая, необычная судьба.

© Виджай В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Мамина каша	8
Старший брат	11
Топор	19
Дядя Афоня	21
Буханка хлеба	26
Директор СШ №1	30
Азарт	34
Пей до дна?!	39
Танец для Сталина	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

1000 и одна жизнь

Владимир Виджай

© Владимир Виджай, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлой памяти моей жены Наташи

ЛЮБИТЕ ЖИЗНЬ.

ЦЕНИТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЕЕ.

ЛЮБИТЕ.

ЧАЩЕ УЛЫБАЙТЕСЬ.

ТЕМ, КТО ДОРОГ ВАШЕМУ СЕРДЦУ И УМУ,
ГОВОРИТЕ, ЧТО ЛЮБИТЕ ИХ.

ПОМНИТЕ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ.

ПРИБРЕТАЙТЕ НОВЫХ ДРУЗЕЙ.

НИКОГДА НЕ ТЕРЯЙТЕ НАДЕЖДУ.

РАСТИТЕ.

ДАРИТЕ.

НАХОДИТЕ КОМПРОМИССЫ.

СОБРАЙТЕ РОМАШКИ —
ДАРИТЕ ИХ СВОИМ ДРУЗЬЯМ.

ВЫПОЛНЯЙТЕ ОБЕЩАНИЯ.

СМЕЙТЕСЬ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА.

КОСНИТЕСЬ ЧЬЕЙ-ЛИБО ДУШИ.

РАЗРЕШИТЕ ДРУГИМ ВОЙТИ В ВАШУ ДУШУ.

ОБНИМИТЕ РЕБЕНКА.

УЧИТЕСЬ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ.

ВСТРЕЧАЙТЕ РАССВЕТ.

НАБЛЮДАЙТЕ, КАК СОЛНЦЕ САДИТСЯ В МОРЕ.

СЛУШАЙТЕ, КАК СТУЧИТ ДОЖДЬ
ПО КРЫШЕ ВАШЕГО ДОМА.

ВЕРЬТЕ В ЖИЗНЬ.

ВЕРУЙТЕ.

НАСЛАЖДАЙТЕСЬ.

НЕ БОЙТЕСЬ ОШИБОК — УЧИТЕСЬ НА НИХ.

ПРИЗНАВАЙТЕ ВАМ НЕИЗВЕСТНОЕ.

ПРОЩАЙТЕ.

ЖИВИТЕ В МИРЕ СО СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ.

Предисловие

Я давно задумал написать книгу о людях, которых я знал в своей жизни. О многих из них. Это и мои родные, и мои друзья, ставшие для меня родными и близкими, и товарищи, и коллеги, те, кто руководил мной, и те, кем руководил я, люди, которые появлялись на моем пути на короткое время, пусть на мгновение, но смогли оставить в моей жизни заметный след, люди, которых я любил и которые любили меня, люди, которых я вынужден был терпеть и которые открыто или тайно терпели меня...

Все события, описанные в этой книге, невыдуманные, они имели место, но часто подлинные имена заменены, так как я не хочу ставить в неудобное положение ни этих людей, ни себя.

Мне в жизни везло – несмотря на распространенное мнение о том, что на земле на каждого умного приходится по дураку, а на каждого приличного человека – по дюжине «уродов», – мне все-таки встречалось немало прекрасных людей, и это благосклонное ко мне отношение Всевышнего (наверное, благодаря молитвам моей матери) продолжается.

Я твердо уверен: если человек приходит к убеждению, что стоящих людей на земле нет, весь смысл его жизни пропадает. Для чего и ради кого тогда жить? Жить только для себя – это такая убогость.

У умных, добрых и сильных людей я учился многому, но самое главное, я учился у них не тратить время, отведенное мне на земле, на всякую ерунду, вроде зависти, переживания, что кто-то лучше, умнее или успешнее меня. У людей, общение с которыми было большим для меня стимулом жить, я учился радоваться каждому восходу солнца на земле. Это они, Бог, мои предки и родные научили меня получать колоссальное удовольствие от того, когда я приношу радость тем, кто дорог моей душе, моему сердцу и уму.

Я также учился многому у плохих людей и дураков. Меня часто спрашивают: чему же я мог научиться у них? Мой ответ прост – стараться не делать как делали они. Я стремлюсь следовать золотому правилу нравственности: не делайте другим того, чего не хотите себе...

Я долго не мог остановиться на названии книги, пересмотрел многие варианты: «Люди, которых я знал», «Дорога жизни», «Я жил среди них»... Почему-то я остановился на названии «1000 и одна жизнь». Может быть, по аналогии?

Мамина каша

Сергей рос в послевоенные холодные и голодные годы. В свои тринадцать лет он уже работал у токарного станка. Работал, стоя на деревянном ящике, потому что еще не доставал до рабочей плоскости станка.

Когда отец вернулся с войны, он заставил Сергея закончить вечернюю школу, а затем и заочный институт. Трудовое и лишенное многих радостей детство закалило Сергея. Он научился ценить человека труда и понял, что труд – отец всех успехов, только труд дает возможность жить насыщенной и интересной жизнью.

Как просто, глубоко и метко сказал один из основоположников английской политической экономии Уильям Петти: «Труд – отец и активный принцип богатства, Земля – его мать».

В мыслях Сергей часто возвращался в свое детство. Он всегда был помощником матери, которую война заставила отвечать за всю семью, состоящую из шести детей. Всех их надо было накормить, обуть, одеть и защитить от дурного влияния.

Голод во время военных и послевоенных лет был страшным испытанием для подавляющей части населения. Но Варя, мать Сергея, эта маленькая, красивая и мужественная женщина, неземными усилиями добывала хлеб для своих детей.

Сергей, еще не достигнув 15-летнего возраста, стал стахановцем, почти героем труда, и получил право на дополнительную помощь завода для своей большой семьи. Это была помощь и продовольствием, и одеждой, и обувью, и деньгами. Мать всегда рассказывала, какой для нее опорой был Сергей в военные и послевоенные годы. Это он смастерил для дома две ручных мельницы: одну – из двух крупных булыжников, другую – металлическую, – и вся семья молола кукурузу, пшеницу и овес, лепешки и каша из которых были неповторимым лакомством.

Гораздо позже Сергей понял, что в те страшные годы нужды, когда голод был чуть ли не естественным состоянием, он хоть и нечасто, но ел самую здоровую пищу.

На заводе, где он начинал мальчишкой, он прошел путь от слесаря до директора завода...

Сергей вспоминал обо всем этом, сидя в недорогом гостиничном ресторане в небольшом европейском городе, куда он приехал по заводским делам.

Сергей думал, что бы взять на завтрак. Не часто он бывал за границей, поэтому всегда с интересом читал меню. Что они едят, эти иностранцы, на завтрак? Вдумываясь в названия блюд, он прочитал: «поридж».

– Что это такое? – спросил Сергей у официанта и услышал в ответ:

– Это овсянка, овсяная каша.

«Овсяная каша?» – удивился Сергей. – Неужели они едят ее?

Без колебаний он заказал «поридж».

Когда ему принесли кашу, сердце Сергея дрогнуло. Запах каши вернул его в те далекие, казалось, не им прожитые голодные годы... Каменная ручная круглая мельница... Сергей ел кашу и едва сдерживал слезы... Официант заметил, с каким удовольствием Сергей ест, и предложил повторить. Сергей повторил... Он весь погрузился в прошлое, в тот мир, столь дорогой для него, несмотря на все лишения.

– Кто готовил эту кашу? – спросил он официанта.

– У нас есть молодая способная повариха.

– Скажите ей от меня спасибо.

– О, она будет очень рада.

Когда Сергей заканчивал завтрак и допивал кофе, официант подвел к его столу небольшого роста молодую женщину.

– Это она варила вам кашу.

– Спасибо вам. Как вы ее готовили?

– О, это наш простой секрет. Мы мелем овес вручную непосредственно перед тем, как варим кашу.

Сергей смотрел на молодую, маленького роста женщину, такую же красивую, какой была его мама, и видел ее, Варю, свою маму... Он достал носовой платок...

– В чем дело? – спросил официант.

– Не беспокойтесь, все в порядке... Она похожа на мою маму, которая варила нам, голодным детям, во время войны такую же кашу...

На следующее утро, когда Сергей вошел на завтрак в ресторан, он заметил, что многие посетители улыбаются ему и кланяются.

Официант объяснил Сергею, что рассказал некоторым постоянным клиентам гостиницы о «поридже», и теперь многие знают эту трогательную историю о маминой каше.

Сергею стало как-то неловко от слов официанта. Он постарался быстрее закончить свой завтрак. Ему постоянно казалось, что все смотрят на него.

Уходя, он, неожиданно даже для самого себя, поклонился и улыбнулся всем. Все гости зааплодировали ему... Он сидел в номере гостиницы и все еще слышал аплодисменты совсем чужих для него людей... Слезы градом катились по его лицу...

Сергей часто вспоминал, как совершенно чужие ему люди, услышав от официанта казалось бы простую историю о маминой каше, могли так глубоко прочувствовать его внутреннее состояние и самим оказаться в плену чувств, пережитых им.

Прошло три года, и Сергей вновь по заводским делам оказался в этом городе. И, конечно, он не мог не остановиться в той же самой гостинице. Теперь она выглядела более уютной: было видно, что совсем недавно здесь был сделан серьезный ремонт.

На следующее утро он, даже не заглядывая в меню, заказал «поридж». Молодая официантка, улыбнувшись, сказала:

– О! Вы хотите «мамину кашу»?!

Сергей подумал, что он ослышался, более того, он даже испугался. «Неужели у меня крыша поехала?» – мелькнула мысль.

– Вы сказали «мамину кашу»?

– Да, «мамину кашу» – так мы теперь в меню называем «поридж». Вы, наверное, первый раз у нас в гостинице, поэтому не знаете об этом. А история эта очень интересная. Я здесь тоже новенькая, да и вообще, у нас два года официантами работают только девочки, а бывший главный официант теперь наш директор. Так это его идея поставить в меню не «поридж», не овсянку, а «мамину кашу». И мы теперь всем новеньким рассказываем эту историю. Все спрашивают: почему «мамина каша»? Дело в том, что еще до моего прихода в эту гостиницу здесь останавливался симпатичный молодой человек из России. Так вот, наш директор был тогда старшим официантом, он рассказывает, что этот русский всегда заказывал «поридж», потому что такую кашу ему в детстве в голодные годы войны готовила его мама. Знаете, мы, наверное, единственный ресторан во всей стране, в котором «поридж» называют «маминой кашей».

Сергей слушал ее и не верил своим ушам. Тихо, почти про себя, он сказал:

– А вы знаете, что этой женщиной была моя мама?

– Как? Так, значит, вы и есть тот самый человек из России?!

– Да, выходит, это я.

Официантка даже растерялась, одно мгновение она не знала, что делать, но быстро пришла в себя.

– Подождите секунду, я сбегая за нашим директором. Вы не представляете, как он будет рад!

Они встретились как родные братья, обнялись и оба расчувствовались...

Сергей уезжал домой счастливым человеком. Он обрел нового друга. Директор гостиницы передал ему множество подарков для семьи. Но главный подарок был лично для Сергея: новая ручная мельница для зерна – для овсяной каши, «пориджа» – маминой каши.

P.S. Еще часто Сергей будет вспоминать об этом случае и думать о том – как совершенно незнакомые люди могут приносить друг другу такую радость возвращения в свое детство.

Старший брат

Самвел потерял своего отца, когда ему было всего семь месяцев. Через семь лет он потерял и мать. Самвел остался сиротой. Как говорят – круглым сиротой. И все это произошло на земле его древних предков. Более двух тысяч лет тому назад эта земля была центром большой империи Тиграна II Великого. Ее называли (и называют поныне) Арменией от моря до моря. Но даже всемогущие пророки не могли предвидеть, что настанут времена, когда потомки Тиграна Великого подвергнутся варварскому геноциду со стороны проигравшей Первую мировую войну Османской империи. В XX веке армяне, среди которых было много детей-сирот, бежали от варваров в соседнюю царскую Россию. Среди них был и десятилетний, чудом выживший мальчишка Самвел.

Бог милостив, говорят верующие. Армяне поверили в Христа в самом начале IV века. Они первыми на земле признали христианство своей государственной религией. Может быть, поэтому турецкие нелюди решили уничтожить их как иноверцев. Бог был милостив к армянам, однако не защитил их от зверской расправы. . . Но армяне не потеряли веру в Бога. . .

Россия стала для Самвела, как и для многих других армян, новой Родиной. Именно в России он встретил армянку, сироту, которой, как и ему, посчастливилось уцелеть. Они поженились. У них было много детей. Они восстали из пепла. Сам Бог дал им Россию, семью, детей. . . Уже много позже младший сын Самвела Роберт напишет про Россию:

Я люблю ее рощи, шумный лес над рекой,
Я люблю ее зори и закат полевой,
Я люблю ее ласку и суровость в бою,
Ну а больше всего я в ней сердце ценю!
Ее сильные руки моих предков спасли!
От пожаров и полчищ дикой, злобной орды
Мои деды и бабки себе кров в ней нашли!
И, сама вся в несчастьях, без горбушки и сна,
Она деду из Вана кулички принесла,
Предложила обуться, хоть и лапти всего, —
Разве может другая повторить это все?!
Ей обязан я всем, что вселилось в меня,
И с любовью моей не сравнится ничья!
Если спросят меня, что в душе я храню,
Без чего я детей своих в жизнь не пущу,
Без чего я не мыслю потомков своих,
Я отвечу: Россия, святая святых!

Самвел и тысячи таких, как он, бежали от злодейских варваров в царскую Россию и впоследствии стали гражданами Советского Союза. Как история меняет жизнь людей! Потомки Тиграна Великого стали гражданами первого в мире социалистического государства. . .

Что бы ни говорили о советской власти и каким бы страшным режимом эта власть ни вошла в историю человечества, она больше дала армянскому народу, чем отняла у него. И самое главное, она спасла эту древнюю нацию от исчезновения, помогла народу сохранить свой язык, церковь, культуру, государственность!

Советская власть была далека от идеальной системы. Да идеальных государственных систем и не существует в природе. Но она, эта советская власть, приютив чудом избежавших смерти армянских детей и взрослых, дала им новую жизнь. И они стали достойными гражда-

нами Советского Союза. Конечно, они не могли избежать проблем, с которыми сталкивались миллионы советских людей. Армяне, как и другие нации этого обширного государства, единственного в мире, которое протянулось с Запада на Восток на одиннадцать тысяч километров, приспособившись к сложившейся политической системе, стараясь преуспеть и утвердиться в жизни, получив образование и положение в обществе.

Старший сын Самвела Арташес был способным парнем и уже в возрасте 27 лет руководил крупным предприятием по снабжению большой российской области продовольственными и ликеро-водочными изделиями.

В те времена все в стране принадлежало государству, а государство было народным (так считала партия во главе с Центральным Комитетом). Царя уже давно не было, но в стране был человек номер один – Генеральный секретарь Центрального комитета, в стране он был и царь, и бог. Конечно, в жестко контролируемом государстве не разгуляешься. А ведь хочется! Да еще как. Соблазнов много. Жизнь всегда берет свое. И в какие бы рамки система ни загоняла людей, они всегда находили пути получить для себя больше, чем государство решало им дать. Да и само государство прекрасно понимало, что людям трудно прожить на одну зарплату, а прожить нормально, да еще если хорошо, а тем более отлично, было просто невозможно. Человека не изменишь: ему хочется сначала нормальной жизни, потом хорошей, а уж затем и отличной, и так далее. Политическая диктатура сама провоцировала людей находить пути к лучшей жизни, но эти пути, как правило, всегда были связаны с нарушением законов, а нарушение законов квалифицировалось как преступление. И государство за преступления жестоко наказывало.

Теневая экономика – так называлась незаконная, можно сказать, подпольная деятельность людей, которые пытались обеспечить себе нормальный уровень жизни. Многим не везло, и они оказывались в заключении, а сроки тогда были страшные – давали до 25 лет. Были и расстрелы. Но ничто не могло остановить людей: если не всем, то очень многим хотелось жить лучше. А путь в тех условиях был только один – идти в обход закона.

Старший сын Самвела Арташес был блестящим работником, его область была обеспечена всем. Он был первоклассным снабженцем. Люди теневой экономики жили, можно сказать, полной жизнью, понимая, что всегда ходят по лезвию ножа. Сколько веревочке ни виться, а конец будет... Эту народную мудрость они понимали, однако надеялись, что веревочка будет длинной... Но не у всех эти надежды сбывались. Арташес оказался среди тех, чья веревочка была короткой. И молодой, способный парень, по сегодняшним меркам – преуспевающий президент крупной компании, загремел на 13 лет. Ему было 35. Это была семейная трагедия. Но Самвел создал сильную семью, пережив трагедию геноцида. Семья его старшего сына стала заботой всего его рода. Молодая женщина, старшая дочь Самвела, была не слабее своего старшего брата, а может быть, и сильнее. Она взяла на себя основную тяжесть укрепления семейных родовых связей, и каждый чувствовал ее поддержку. Ее отец никогда не сомневался, что она годится в царицы рода. Родные и близкие – все знали, что, когда родившаяся после двух сыновей дочь подросла, Самвел всегда давал старшему сыну команду по утрам поливать из чайника сестре, чтобы она умывалась, а следующий за старшим сын стоял рядом и держал для нее полотенце. И она доказала, что она действительно царица рода. Роберт называл ее своим ангелом. В эти трудные годы для всего рода она была главной опорой для всех. У нее было красивое русское имя – Зоя.

Судьба Арташеса была типичной судьбой многих участников теневой экономики. Парадоксальная ситуация: организаторы теневой экономики, как правило, молодые и талантливые люди, обеспечивали «дыхание» и «кровообращение» малоповоротливой и неэффективной социалистической системы, то есть, можно сказать, держали ее на плаву, и именно эти спасатели и попадали в ее жернова.

Младший сын Самвела Роберт заканчивал престижный институт, когда старший попал в эти жернова. Из института Роберта не исключили, но стажировку и практику за границей отменили. И многие профессора, которые прежде уговаривали его остаться в аспирантуре, неожиданно куда-то исчезли. На счастье, нашлись люди в институте, которые, учитывая его успехи в учебе и его общественную работу среди студентов, отважились распределить Роберта на работу в организацию, связанную с международной торговлей.

Много написано о советской системе. Много плохого, даже ужасного, и это все было. Но было много и хорошего. Самое главное, не исчезли люди, которые, несмотря на нечеловеческую атмосферу в обществе, оставались Людьми с большой буквы. Даже большевистской системе было не под силу уничтожить их генетическую порядочность и стремление помочь достойному человеку, когда система незаслуженно сбрасывала его со счетов, лишая всех надежд.

На что мог рассчитывать молодой специалист без связей, без какой-либо поддержки? Анкетные данные, в которых четко значилось, что старший брат находится в заключении, не вызывали ни у кого энтузиазма... Ни у кого, за исключением двух человек, которых Роберт будет помнить всю свою жизнь. Первым был ректор института, вторым – председатель внешнеторгового объединения. Они всегда ценили в любом человеке его личные качества, преданность делу и особенно преданность людям, которые ему доверяют. Эти два человека и определили дальнейшую судьбу Роберта. В этом отношении ему здорово повезло. Иначе как можно объяснить, что в суровые советские времена, времена страшной диктатуры и единственной в стране партии, когда даже для вступления в нее была живая очередь, – как в те времена человек, старший брат которого сидел в тюрьме, был направлен на работу в государственную организацию, связанную с внешним миром, стал членом партии и был отправлен работать за границу в передовую капиталистическую страну?

Роберт всегда помнил слова своего отца: если кто-либо сделал для тебя добро, даже на две копейки, ты должен помнить это всю свою жизнь и при первой же возможности отплатить ему добром на рубль. Понимание этой простой истины, суть которой стала одним из главных положений морального кодекса всех детей Самвела, делало их сильными и надежными людьми.

Благодаря своему отцу Роберт знал: только труд, только беззаветное служение своему делу поможет ему утвердить себя в жизни. Великая русская пословица – терпение и труд все перетрут! И он трудился. Трудился и учился. Никогда не пытался уйти от ответственности...

Это было в начале карьеры Роберта: готовились переговоры с президентом крупной государственной компании Индии. Основная обязанность Роберта состояла в подготовке материалов для председателя объединения. Эта работа начиналась задолго до переговоров, и подготовка материалов проходила одновременно с выполнением текущей повседневной работы. Сами материалы для переговоров (особенно переговоров на высоком уровне) представляли собой довольно-таки объемный документ, включающий в себя справку о стране, краткую историю деловых отношений с иностранной компанией, основные вопросы переговоров, позицию объединения по всем этим вопросам, вопросы, которые могут быть подняты иностранной компанией, и так далее, и тому подобное.

За день до начала переговоров такие справки надо было представить председателю объединения. Все знали, что председатель всегда работает с такими документами в конце рабочего дня перед днем начала переговоров. У Роберта была привычка именно в это время еще раз перечитывать подготовленную им справку, чтобы убедиться, что все в ней в порядке. Проверяя все расчеты еще раз, – о, ужас! – он обнаружил ошибку! Он срочно доложил об этом директору департамента и его заместителю. Они проверили расчеты самостоятельно и убедились, что ошибка действительно была. Это была ошибка скорее техническая, чем смысловая, но она искажала структуру уровня цен. Директор, имея в виду, что его заместитель отвечает

за подготовку материала, предложил ему срочно пойти к председателю и доложить. Зная крутой характер председателя и его высокую требовательность к руководителям подразделений, заместитель, не будучи корифеем, идти отказался, полагая, что уж в данном конкретном случае директор должен доложить сам, или, на худой конец, надо послать непосредственного исполнителя. Директор, не желая ругаться со своим замом, который всегда кичился связями с управлением кадров в самом министерстве, так и решил:

– Давай, Роберт, иди! Председатель поймет, тем более что мы обнаружили ошибку до переговоров.

Роберт понимал, *что* происходит. Но он оказался в ситуации, когда не выбирают и не обсуждают. Ему надо идти. Роберт не помнил, *что* у него дрожало, но он с трудом выдал из себя:

– Да, конечно, я должен идти, это ведь я ошибся.

Роберт собрал все материалы и отправился в приемную председателя. В приемной была только секретарь. Она встретила Роберта дружелюбно:

– Ну, что, Роберт, завтра твои гости? Председатель уже смотрит твою справку.

– А я вот как раз по поводу этой справки и хочу попасть к председателю.

– Почему ты, а не директор? Или зам?

– Понимаете, в справках есть ошибка, надо срочно о ней доложить.

– И что? Директор послал тебя?

– Да.

– Интересно! Я зайду к председателю.

Она пробыла у председателя недолго. За это время в голове Роберта пролетел миллион сценариев, и в каждом из них он, Роберт, был уничтожен. Нельзя сказать, что он очень боялся председателя, нет, он его очень уважал, и ему было стыдно докладывать о своей глупой ошибке. Каким-то необъяснимым чувством Роберт всегда знал, что председатель крут, и одновременно понимал, почти был уверен, что он умный и справедливый человек. Его мысли прервала вышедшая из кабинета секретарь.

– Заходи, Роберт.

В ее глазах можно было прочесть понимание и поддержку. Закрывая за собой дверь, он услышал реплику секретаря:

– Во какие м...! Сами боятся – послали мальчишку!

Роберт, как начинающий специалист, не так уж часто мог оказаться с председателем один на один в его кабинете. Войдя в кабинет, он остановился посередине и застыл. Председатель продолжал читать справку. Роберт стоял, замерев. Он не решался прервать чтение председателя. Для Роберта это был момент страшного безмолвия. Если бы в это время пролетела муха, она бы стала для Роберта громче самолета... Председатель читал... Роберт молчал...

– Что вы хотели сказать? – первым прервал гробовое молчание председатель.

– Извините, я допустил ошибку в расчетах цен на Восточное и Западное побережье Индии. Это скорее техническая ошибка...

– Техническая? – прервал его председатель. – Так в чем она заключается?

Роберт с большим волнением изложил начальнику существо вопроса.

– Ах вот как, – удивился председатель. – А я этот раздел уже прочитал. И я не заметил ошибку. Как вы говорите – несоответствие, нелогичное построение цены?

Председатель перевернул несколько страниц и, взяв красный карандаш, стал править.

– Я вот и сам не заметил этой ошибки.

Он продолжал читать. Роберт продолжал стоять.

– Так что вы стоите? – как показалось Роберту, после вечности спросил председатель. – У вас что-то еще есть?

– Нет, это все. Я проверил несколько раз.

- Тогда идите, спасибо. До завтрашних переговоров.
- Спасибо, – пролепетал Роберт и тихо, как мышка, выполз из кабинета.
- Ну, что? – с участием спросила секретарь.
- Нормально, пронесло.
- Я так и знала. Иди, расскажи этим баранам...

Роберт понял, что секретарь доложила председателю со своими комментариями о поведении двух «мужчин» – директора и его зама... Уже совсем расслабленным и довольным, что именно он сам доложил председателю об ошибке, Роберт выходил из приемной в коридор, где его ждали те двое, отправившие Роберта, как они думали, на эшафот.

- Ну, как председатель?
- Нормально.
- Нормально? А что сказал?
- Он сказал: «спасибо, до переговоров завтра», – почти издеваясь, заметил Роберт.

Они недоумевающе смотрели друг на друга. Прочитав справку еще раз, Роберт покинул офис совсем другим человеком и специалистом. Он еще раз убедился в правоте своего отца. Первое: на земле полно мерзавцев, но есть и люди! И второе: надо уметь признавать свои ошибки и, если жизнь дает тебе шанс, вовремя исправлять их.

Пройдет немного лет, и именно благодаря председателю Бурову Роберт окажется на работе в Англии, в Лондонском Сити, где он и сформируется как бизнесмен.

Придет время, и Роберт получит от Бога то, о чем он всегда просил: возможность ответить добрым делом человеку, который так много сделал для совсем незнакомого ему парня...

А сейчас Роберт после первого года пребывания в Англии возвращается в отпуск домой, в Москву, откуда с женой и маленьким сыном он обязательно полетит к себе на Родину, в небольшой, основанный еще Екатериной II город на Северном Кавказе, к своим родителям. Его старший брат все еще находился в заключении. Друг брата и его коллега, директор крупного предприятия в Армении, сидел вместе с ним...

Отец подробно рассказал Роберту о жизни Арташеса и его семьи. Он не просил Роберта писать брату из Англии, не просил его и проведать брата в далекой деревне в Армении, где находилась тюрьма. Роберт был поражен деликатностью отца, который понимал, что в те непростые советские времена он, отец, мог бы поставить своего сына в неловкое положение подобными просьбами. Но Роберт никогда не сомневался, что самому отцу очень хотелось бы, чтобы его младший сын так или иначе проведаль своего старшего брата. Роберт понимал это. Про себя он давно уже решил, *что* именно должен сделать. Или попытаться. Говорить об этом с отцом он не хотел...

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он должен поступить только так, а не иначе. И если даже у него ничего не получится, он должен до конца пытаться это сделать. Как на гибнущем пассажирском судне: капитан должен уйти последним.

...Роберт сказал родителям и жене, что поедет вместе с сыном в гости к своему старому другу, с которым они давно не виделись. Если засядут играть в преферанс, то у друга и заночуют, а вернутся на следующий день утром. Так что пусть никто не беспокоится. Роберт с сыном рано утром на такси уехали к другу... А через час они были в аэропорту. Два билета в Ереван удалось купить только на поздний рейс. Уже к вечеру были в Ереване. Село Кош, где была тюрьма, находилось в 60 километрах от Еревана. Роберт мог обратиться за помощью к родственникам и знакомым, но он хотел держать все втайне. На такси они доехали до Министерства внутренних дел, которое управляло всеми тюрьмами Армении. Время было позднее, и единственным человеком, с кем Роберт мог поговорить, был главный дежурный. Роберт коротко изложил ему свою биографию, место работы и цель своего приезда. Он также добавил, что, к сожалению, у него не так много времени и он еще должен погостить у родителей, разобраться с делами в Москве и вовремя вернуться в Лондон. Дежурный офицер был тро-

нут рассказом Роберта. И начал звонить ответственным людям, которые смогли бы дать указание руководству тюрьмы принять ночью Роберта для свидания со старшим братом. Дежурный офицер блестяще справился с поставленной задачей. Но он добавил, что на ночь глядя вряд ли кто согласится поехать в Кош. Роберт только просил его, чтобы в тюрьме было четкое указание – принять его, и он если не ночью, то к утру обязательно доберется до Коша. Довольный таким началом, Роберт расстался с дежурным офицером, конечно, отблагодарив его разными английскими сувенирами.

Таксист, который вез Роберта из аэропорта до министерства, узнав, что надо ехать в село Кош, наотрез отказался. Предлагал подождать до утра. До утра? Откуда ему было знать о планах Роберта. Роберт не обиделся на него, он понял свою задачу.

– Слушай, – сказал Роберт, – ты ведь хочешь заработать? Заправляй полностью машину, предупреди своих родных, хочешь, возьми с собой еще кого-нибудь, если боишься.

– Нет, я не боюсь, но ехать ночью в такую даль, да еще в село, где особая тюрьма, – ты что? Там в селе такие люди, тебя будут убивать – никто не откроет двери. А собаки там ты знаешь какие? Больше львов и волков. Послушай меня, я правду говорю.

– Я слушаю тебя и вижу, что ты боишься. Если не хочешь денег заработать, довези меня до таксомоторного парка, я там договорюсь.

– А вдруг тебя не примут ночью? Ведь без начальника тюрьмы никто не решится организовать тебе свидание.

– Слушай, друг, это не твоя проблема. У начальника тюрьмы уже есть указание от заместителя министра, они ждут меня. Они знают, что уже утром я должен улететь из Еревана.

– Слушай, что ты за человек? Давай подождем до утра?

– Знаешь, брат, не трать мое время. Вези меня в таксомоторный парк.

– А сколько ты заплатишь?

Роберт понял, что таксист сдается.

– Это уже совсем другое дело. Твоя задача довезти меня до тюрьмы, убедиться, что у меня будет там свидание. И подождать до утра. Сколько ты хочешь?

– Как? До утра я буду в машине?

– Ты что? Никогда не спал в машине?

– Спал, но не в такой деревне.

– Хорошо, довезешь, убедишься, что у меня будет свидание до утра, и тогда возвращайся в Ереван. Сколько ты хочешь за это?

Водитель такси задумался. Он, конечно, понимал, что Роберт договорится в таксомоторном парке, и он будет дураком, если упустит такой заработок.

– Ну, говори свою цену.

Таксист выпалил сумму, от которой ему самому стало страшно.

– Послушай меня, – спокойно сказал Роберт. – Я больше армянин, чем сотня таких, как ты. И не думай, что, если я приехал из Лондона, я ничего не соображаю в ценах в Союзе. Такую сумму министр Советского Союза получает в месяц! Ты понимаешь? А министр Армении получает в два раза меньше. Понимаешь? Это в месяц! Я тебе за одну ночь заплачу половину зарплаты министра Армении! Понимаешь?

Таксист молчал.

– Понимаешь?

– Да, понимаю.

– И что?

– Поехали!

– Значит, хорошо понял. Поехали.

Ночь на юге темнее европейской ночи. В Армении особенно. До села доехали спокойно. Ни львов, ни волков не было. Но все, кто наблюдал с вышек, всполошились, когда такси оста-

новилося у главных ворот. Роберту это было на руку. Двое вооруженных охранников подошли к машине. Роберт объяснил причину такого позднего визита. Все сработало. Их ждали. Очень быстро Роберт и его сын оказались в главном кабинете начальника тюрьмы. За главным столом сидел сам начальник, кроме него было еще человек пять. Прямо заседание Совета директоров. Видно, многие хотели посмотреть на младшего брата Арташеса, который успел вместе со своим другом завоевать авторитет как среди руководства, так и среди заключенных.

Начальник тюрьмы и его коллеги задавали много вопросов и об Англии, и об англичанах, и как Роберту живется там вдали, и кто Роберт такой, и чем он занимается, и так далее. Роберт с удовольствием спокойно рассказывал им про свою жизнь. Когда с вопросами было покончено, начальник тюрьмы сказал Роберту, что комната для свидания уже приготовлена – и свидание со старшим братом продлится до раннего утра. До подъема Роберт и сын должны покинуть территорию тюрьмы.

Встреча двух братьев, старшего и младшего, и продолжателя рода – так называл своего внука (сына Роберта Оську) отец Самвел – состоялась. Описанию она не поддается. Арташес и Роберт сидели молча и тихо плакали. Плакали от счастья, что вместе. И оттого, что об этом узнает отец. Оська не понимал, почему слезы, и тихо сказал:

– Па, а ты говорил, что мужчины не плачут.

– Да, мой джаник, теперь ты знаешь, что бывают случаи, когда и мужчинам не стыдно плакать...

Пришел друг Самвела Эрджаник, он принес конфеты Оське. Роберт заметил, что он даже побрился. Вскоре Оська заснул, перед этим показав своему дяде несколько акробатических этюдов. До того, как была поднята вся тюрьма, Роберта с сыном проводили до выхода. И они оказались на дороге, ведущей в Ереван. Солнце только вставало из-за гор. Вокруг ни души. Роберт и сын стояли на дороге в надежде на попутную машину. Самое главное было сделано, поэтому можно было не торопиться. Надо было ждать. Но ждать долго не пришлось. Откуда ни возьмись в это раннее утро на дороге появился «Москвич». Роберт поднял руку. Машина остановилась. В ней сидели двое мужчин, ровесники Роберта. Они согласились довезти до аэропорта в Ереване. Было прекрасное раннее утро. На фоне чистого голубого неба до Арарата было рукой подать. Роберт понемногу рассказывал сыну про Арарат, что он значит для армян, про историю, про армянскую империю. Оська слушал, а водитель и его друг задавали вопросы. Роберт с удовольствием отвечал на них. Любовь к истории он перенял от отца...

Интересно, что на всем пути от тюрьмы и почти до окраин Еревана ни одна машина не догнала «Москвич», ни одна машина не обошла его. Откуда взялся сам «Москвич»? Для Роберта это была загадка.

В аэропорту Роберт хотел рассчитаться с владельцем «Москвича», но тот отказался брать деньги. Роберт хотел дать им свою визитку, но и визитку они не взяли.

– Возьмите хотя бы визитку, может быть, когда-нибудь я смогу отплатить вам добром за ваше добро, – настаивал Роберт.

– Не надо. Если вы нам понадобится, мы вас всегда найдем.

Откуда они взялись с этим «Москвичом», Роберт мог только догадываться.

С рейсом до Минеральных Вод тоже повезло. Через три часа Роберт и Оська были в самолете... Отец стоял у ворот. Он ждал своих сына и внука.

– Мог бы позвонить, Роберт!

– Па, но я же сказал, что могу задержаться до утра. У моих друзей нет телефона, они вообще хотели оставить нас на завтрак. Мы отказались. Мы вообще-то голодные. Пойдем, перекусим.

Роберт любил сидеть в саду своего детства и юности. Обеденный стол специально был поставлен намертво под большим и пышным тутовым деревом. Большой белый тутовник, таких больших и медовых тутовых ягод Роберт никогда не встречал. Этот сад Роберт, еще

будучи совсем мальчишкой, помогал отцу сажать, поливать, ухаживал за ним. Накрыли поздний завтрак – ранний обед. Роберт не мог избавиться от чувства, будто отец знает, что он и его сын были у Арташеса. Когда уже все уселись за столом, Роберт, обращаясь к отцу и матери, сказал:

– Мы с Оськой были у него.

Было слышно, как на слабом ветре шелестели листья тутового дерева. Все молчали. Отец тихо спросил:

– Как это могло случиться? У вас был всего лишь один день и одна ночь.

Роберт начал рассказывать. Все тихо плакали, никто ни о чем не спрашивал...

Уезжая в Москву, Роберт знал только одно: если бы он этого не сделал, ему было бы очень трудно жить всю оставшуюся жизнь. Да, бывают в жизни случаи, когда мы должны поступать так, а не иначе, или хотя бы до конца пытаться это сделать... Не останавливаться... Никогда, пока не сделаешь.

Топор

У Виктора была особенная страсть к иностранным языкам. Куда бы он ни попадал, ему всегда хотелось говорить на языке местных жителей. Находясь в «закрытой» стране, которая называлась Советским Союзом, Виктор открывал неизвестный ему западный мир через изучение иностранных языков.

Советскому Союзу для поддержания связей с остальным миром нужны были не только простые переводчики, но и специалисты в различных областях со знанием иностранных языков – это и дипломаты, и ученые, и инженеры, и специалисты по международной торговле, и военные специалисты, и, конечно, разведчики. Институты, которые готовили таких специалистов, часто имели среди преподавателей коренных жителей иностранных государств, так называемых носителей языков. Для более глубокого знания языков студенты имели доступ к иностранным газетам и журналам, которые использовались ими для переводов на русский язык живых иностранных текстов. Конечно, все студенты, получая такие газеты и журналы со специальным грифом «секретно», читали с удовольствием многие другие статьи, дух и содержание которых противоречили советским газетам и журналам. Иногда Виктору казалось, что это было давно и не с его поколением. Но это было! Многие запрещенные статьи носили пропагандистский характер и были наполнены духом времен холодной войны; публиковалось много статей об известных советских людях, которые имели «счастье» бывать в капиталистических странах. Виктор вспоминал, как одна неприметная статья произвела на него почти удручающее впечатление. Это была статья в одной из шведских газет о присвоении всемирно известному советскому писателю звания лауреата Нобелевской премии. Ему присвоили Нобелевскую премию, несмотря на то, что многие зарубежные специалисты, равно как и некоторые советские, считали, что писатель воспользовался рукописями погибшего белогвардейца. Возникло серьезное сомнение в авторстве. Поговаривали о плагиате. Статья в общем была положительной, в ней содержались детали времяпрепровождения писателя в Стокгольме. В частности, отмечалось, что писатель посетил большой торговый комплекс, где проходила специализированная выставка оборудования и инструментов для фермеров. Наш писатель имел большую усадьбу на юге страны и был близок к деревенской жизни. В статье сообщалось, что с большим интересом он ознакомился с выставленной продукцией и приобрел для себя... топор. Виктор удивился. Топор!? Он сначала подумал, что это либо опечатка, либо это шведское слово имеет несколько значений. Но все словари утверждали одно и то же: топор – он и есть топор. Кроме того, о топоре упоминали и другие шведские газеты, причем, как Виктор выяснил позже, не только шведские. Топор?! Виктор пребывал в смущении и недоумении: что, у нас даже топоров хороших нет?..

Прошло много лет. Виктор окончил институт, работал переводчиком со шведскими делегациями, приезжавшими в Москву. И вот наконец, впервые в жизни, он летит к капиталистам, в Швецию, которая, к тому же, являлась образцовой для других европейских стран. В те времена шведы сами часто подчеркивали свой высокий уровень жизни: в шведских рекламных материалах можно было прочесть, что у них все и везде практически всегда стерильно чисто, даже пианино в квартирах стояли белого цвета.

Самолет приземлился в Стокгольме, и только тогда Виктор осознал, что он находится в стране, язык и историю которой он изучал в течение пяти лет. Он вспомнил про топор и при первой же возможности отправился посмотреть на него... Виктор стоял в крупном торговом центре Стокгольма, в отделе хозяйственных товаров, и держал в своих руках шведский топор. И вновь он испытал чувство стыда, как и тогда, когда читал статью в шведской газете о советском нобелевском лауреате и топоре. Только на этот раз ему было стыдно, что он раньше даже представить себе не мог разницу качества продукции, произведенной в СССР и на «загниваю-

щем» Западе... Шведский топор выглядел как произведение искусства, его скорее можно было повесить на стену вместо картины, чем рубить им дрова и потом бросить в захламленный сарай.

Виктор возвращался домой. Самолет приземлился в аэропорту «Шереметьево». Виктора остановили на таможне.

– Что за предмет запакован у вас в коробке? – спросил таможенник.

– Топор.

– Топор? Что, у нас топоров в стране нет? – нахмурился раздраженный таможенник.

– Таких нет.

– Нет? Покажите!

Виктор распаковал коробку. Таможенник удивленно смотрел на топор. Он потрогал гладкую ручку топора, погладил лезвие, постучал по обуху...

– Да, – сказал он. – Таких топоров у нас действительно нет... Надо же... Топоры стали возить... Иди, – махнул он рукой на Виктора.

Дядя Афоня

В небольших городах Северного Кавказа, на территории, известной как Минеральные Воды, уклад жизни отличался от многих других районов Советского Союза. Этот уклад формировался еще со времен Екатерины Великой, немки, для которой Россия стала святым местом и для величия которой она сделала так много. Идеальный климат с большим количеством солнечных дней в году, лечебные минеральные источники, пышные фруктовые сады и плодородные черноземные поля – все это привлекало в Минеральные Воды людей со всех концов Российской империи. Но самым интересным и особо ценным творением этого географического пространства были люди. Веками здесь происходило смешение кровей всех национальностей царской России и Советского Союза. Со времен Екатерины немецкие деревни или деревни с «немецкими» улицами (улицы, где компактно проживали немцы) стали нередкими в этих местах. И если вы оказывались в одной из таких деревень, то вы легко отличали немецкий дом и дворик от домов и дворов других жителей. Почти каждый небольшой городок был окружен множеством деревень, сбывавших свою продукцию на городских рынках. Ярмарки в таких городах были известны на всю Россию: так, Георгиевская ярмарка была второй крупнейшей ярмаркой России после Нижегородской.

Города изобиловали добротными кирпичными купеческими домами с большими территориями дворов, где располагались дома для членов купеческой семьи, служащих и прислуги. Неотъемлемой частью такой «крепости» был и так называемый задний двор, где располагалось все хозяйство владельца «крепости» – подвалы, сараи, сады, свинарники и так далее.

Фасад главного купеческого кирпичного двухэтажного дома выходил на улицу. Территория двора со всех сторон была отгорожена от других участков. Ворота и калитка «крепости» выходили на улицу.

С приходом советской власти такие «крепости» были заселены многочисленными семьями и поделены на квартиры, состоящие из двух-трех комнат. В таком дворе родился и вырос Виктор Зубов – главный пацан не только во дворе, но и на всей улице.

Война пришла в этот город неожиданно. Виктор хорошо помнил немцев, которые приехали в его город на мотоциклах по дороге из Кисловодска и Пятигорска. Семья Виктора занимала отдельно стоящий дом на высоком фундаменте, расположенный на первой линии; фасад дома выходил на улицу. По всей вероятности, когда-то здесь жили старшие дети купца. Именно основную часть этого дома и заняли немцы. В городе Виктора немцы задержались не надолго. После Сталинградской битвы город стал советским. Окончание войны праздновали на городской площади. Почти у всех старших мальчишек были винтовки и пистолеты. Стрельба шла до утра.

Отец Виктора погиб на войне. Мать, молодая, красивая женщина, осталась с двумя сыновьями – Виктором и его старшим братом Борисом – и со свекровью.

Постепенно все, кому повезло остаться в живых, стали возвращаться домой. Среди вернувшихся был и дядя Афоня, друг Витькиного отца. Дядю Афоню называли «золотых рук мастер». Он умел делать все. Но мотоциклы были его страстью. Он сказал Витьке:

– Будем собирать немецкий мотоцикл – «БМВ»!

И Витька стал его подмастерьем.

Весь двор просыпался под громкий мат дяди Афони, мат на все лады и темы. Любое недовольство собой, любой промах или поиски нужной детали – все сопровождалось складными каруселями мата, который звучал как песня без музыки. Витька был первым, кто, еще не умывшись и без крошки во рту, бежал в сарай дяди Афони. Начиналась работа. Мало кто во дворе понимал, что делает дядя Афоня. Витька Зубов, старший из всех пацанов, драчун

и забияка, верил, что дядя Афоня обязательно соберет мотоцикл. Вот только название «БМВ» было ему непонятно. А на вопрос, что это такое, дядя Афоня ответил:

– Да это фрицы придумали, а мы можем называть по-своему. Название не очень, но ездит он лихо. Я сам возил на трофейном «БМВ» своего ротного.

Работа продвигалась не так уж медленно, но Витька был готов работать и днем, и ночью, чтобы первым с дядей Афоней прокатиться на «БМВ». Чем дальше продвигалась работа, тем больше Витьке нравилось название «БМВ», вот только – что оно значит? Он даже предложил дяде Афоне назвать мотоцикл «ВМБ».

– А это что значит? – спросил дядя Афоня.

– Витя, мама, Боря.

– Ах, вот оно что, – заулыбался дядя Афоня. – А дядя Афоня, значит, пошел на...?! Так, что ли?

– Нет. Можно назвать «ВАБ» – Виктор, Афоня, Борис.

– Давай лучше оставим «БМВ».

Витька серьезно увлекся сборкой мотоцикла. Он даже стал просыпаться раньше дядя Афони. И оказывался у сарая задолго до прихода своего кумира.

– О, казачок, уже ждешь меня? Хочешь, чтобы мы быстрее собрали нашего зверя? Да? Соберем!

– А когда?

– Когда? Скоро. Я сам уже мечтаю услышать его рев.

Витька забросил уличный футбол, где он был сильнее всех, речку, куда его пацаны ходили ежедневно. Но больше всего он переживал за Светку, девчонку, которая жила в главном купеческом доме на втором этаже и в которую он был влюблен по уши.

Вечером, когда он отправился в кино вместе со Светкой, она ему сказала:

– Ты прилип к дяде Афоне, целыми днями с ним. На речке не бываешь. А ко мне мальчишки пристают.

– Кто это к тебе пристает?

– Да хотя бы этот Левка.

– Гони его и скажи: будет приставать, получит.

– А чего мне говорить? Я ему сказала, а он смеется: разве ты не видишь, Витька на мотоцикле женился.

– Ну, сука! Я ему расквашу морду! А ты подожди, Свет, подожди, так хочется быстрее собрать этот «БМВ». Чудное название.

– А моя мама говорит, что это название хорошей немецкой компании.

– Твоя мать откуда знает?

– Как откуда? Она же учительница немецкого языка.

– Название компании? Спроси ее, что это за компания.

– Спрошу. А ты все-таки на речку приходи, Вить.

– Приходи, приходи. Ну, подожди еще немного. Не ходи на речку пока.

– Не ходить?

– Да! Если любишь – не ходи.

– Откуда ты знаешь, что люблю?

– Ну, я ведь люблю!

– Во, первый раз слышу!

– Ну и дура! Что, все видят, а ты не видишь?

– А я хочу услышать!

– Ну вот и услышала.

В кино они целовались. И Витька обещал, что завтра пойдет с ней на речку. Витька очень нравился Свете. Во-первых, она считала, что он красивый и высокий, во-вторых, он верховодил

на улице, а в-третьих, все девчонки завидовали ей, что он водится только с ней. Светкина мать, зная проворность Витьки, предупреждала дочь:

– Смотри, будет приставать – гони его сразу!

– Да нет, мама, он меня только обнимает, и мы целуемся.

– Ну вот! С этого все и начинается. Смотри, не будь душой.

– Да он с этим мотоциклом совсем на меня не обращает внимания. Я ему даже говорила, что теперь на речке Левка пристаёт ко мне.

– А он что?

– А он говорит, гони его, а то он получит.

– Да Левка старше его, как бы он сам не получил от него, твой Витька.

– Старше, старше! А Витьку все боятся.

– Боятся. Да он ведь драчун такой, смотри, он и тебе, и Левке навалает.

– Да, знаешь, он просил узнать у тебя, что значит «БМВ»?

– «БМВ» – это название немецкой компании, которая выпускает машины и мотоциклы получше английских. По-немецки эти три буквы – «БМВ» – означают «Баерише моторен верке», что по-русски значит «Баварские моторные заводы».

Левка получил от Витьки уже на следующий день прямо на речке. Витька разбил Левке нос и ушел. Светка пошла за ним. Шли долго и молчали. Первым начал Витька:

– Из-за тебя с другом подрался.

– Друг? А чего тогда, когда тебя нет, он пристаёт ко мне?

– Откуда он знает, что ты любишь меня?

– А я и не говорила, что люблю тебя.

Витька остановился, остановилась и она.

– Не говорила? Да мы ведь целуемся!

– Ну целуемся, и что?

– Как что? Разве можно целоваться и не любить?

– Наверное, нет. А я давно хочу сказать, что я тебя люблю.

– Так скажи!

– Люблю! А ты?

– Я? Да об этом вся улица говорит! Я тебя ужасно люблю!

Они стояли и молчали. Виктор взял ее за руку, она смотрела на него своими голубыми, как небо, глазами, и он впервые поцеловал девушку, которая сказала, что любит его. Этот поцелуй не был похож на те странные поцелуи в кино. Это был головокружительный поцелуй, поцелуй как клятва. Он запомнит его на всю жизнь...

Уже к вечеру Витька снова возился с дядей Афоней. К ним подошла Светка.

– Ты сказал дяде Афоне, что значит «БМВ»?

– Нет, еще не сказал, да ты и Расскажи.

– Да, я знаю, что это немецкий, но как расшифровать, не знал, а вот твой Витька хотел дать мотоциклу другое название.

– Какое?

– «Светка».

– Вот дураки, – и Светка убежала.

Однажды утром Витька проснулся от страшного звука. Он даже испугался: не война ли опять... Звук заглох, затем повторился снова и снова заглох. И Витька услышал родной голос – трехминутный мат дяди Афони... Витька молнией вылетел во двор, и снова треск: дядя Афоня заводил «БМВ»... Мотоцикл работал, не глох.

– Здорово! Дядя Афоня!

– Подожди! Еще надо налаживать...

– Но проехать же можно?

– Нет, Витька, надо добиться, чтобы работал надежно, а то позориться будем на улице. Да, еще придумал: достану люльку к мотоциклу – вот будет красота!

– Как люльку? Это опять затянется? – поникшим голос спросил Витька.

– Не бойся, у меня люлька уже есть на примете. Самое главное – мы собрали. Так что не грусти, казачок. А название напишем на люлке – «БМВ-Светка».

Весь двор радовался за дядю Афоню и Витьку. Пацаны и девчонки обсуждали очередь, всем хотелось поехать на мотоцикле, да еще с люлькой. Витька и Светка неоспоримо – первые...

Так и случилось: дядя Афоня – за рулем, Светка – в люлке, а Витька – на заднем сиденье. И покатили со двора на поле, где мальчишки играли в футбол. А толпа пацанов и девчонок бежала за ними. Дядя Афоня сдержал слово – перекатал весь двор.

Мотоцикл дяди Афони стал главной новостью не только для улицы, где жил Витька, но и для всей округи. Дядя Афоня, конечно, подрабатывал на нем и был очень доволен. Многие предлагали дяде Афоне продать им мотоцикл за приличные деньги, но он твердо отказывался, понимая, что мотоцикл для него – всегда кусок хлеба...

Все случилось неожиданно. У дяди Афони появились два друга, которые занимались мелкой спекуляцией различными сельскохозяйственными продуктами, включая мясо и зерно. Они уговорили дядю Афоню поехать в район так называемых черных земель в калмыцких степях, где можно по дешевке купить баранину и с хорошей прибылью реализовать ее на местном рынке. Первые послевоенные годы советская власть намеренно либерально относилась к рыночной торговле, наличию больших и мелких ресторанов. Центральные базары изобиловали шашлычными и питейными заведениями. Идея была очевидной: измученные войной люди – и те, кто воевал, и те, кто трудился в тылу, – должны были расслабиться и отдохнуть. Дядя Афоня хотел взять с собой и Витьку, но новые знакомые отговорили: дескать, малый хоть и может помочь, но все-таки займет место, а хорошо было бы привезти побольше мяса. Вроде бы все логично...

И ранним утром, когда Витька еще спал, дядя Афоня на своем знаменитом «БМВ» отправился за деньгами.

Поездки городских на черные земли в те послевоенные годы были обычным делом.

Дядя Афоня сказал Витьке, что вернется через два, максимум три дня, и тогда они обязательно займутся надписью на люлке мотоцикла – «БМВ-Светка». Дядя Афоня объяснил, что нужно сделать хороший шаблон и достать хорошую краску.

Витька решил сделать сюрприз и загорелся к приезду дяди Афони подготовить и шаблон, и краску.

В соседнем дворе жил Платон, которого все называли Киношник, потому что он рисовал для местного кинотеатра рекламные щиты для новых фильмов. Кроме того, Платон был заядлым рыбаком и часто брал с собой Витьку, который был для него хорошим помощником. Вот к этому самому Платону и обратился Витька с просьбой о шаблоне. Платон сказал, что это простое для него дело, что он через два дня подготовит и шаблон, и краску.

Через три дня после отъезда дяди Афони Витька проснулся в хорошем настроении. Сюрприз был готов. Витька ждал дядю Афоню целый день. Поздно вечером стало ясно, что дядя Афоня сегодня уже не приедет. Но и на завтра Витька не дождался своего кумира. Витька спрашивал и свою мать, и соседа дяди Афони по квартире, в чем может быть дело. И все в один голос говорили: дело трудное, дорога дальняя, так что надо подождать.

Через неделю, когда дядя Афоня так и не появился, заволновались все. Старый фронтовик, который иногда выпивал с дядей Афоней, сказал, что надо заявить в милицию, здесь что-то не так...

А спустя десять дней весь двор знал, что дядю Афоню нашли мертвым в степях Калмыкии, а тех двоих, с которыми он ездил по делам, арестовали, и они сейчас находятся в «кутузке» и обвиняются в преднамеренном и спланированном убийстве с целью завладения мотоциклом.

Витькин отец, как ему говорили, погиб в первые дни войны. Витьке тогда не было еще и девяти, теперь ему уже было пятнадцать.

Во дворе все знали, что Витька привязался к дяде Афоне не только из-за мотоцикла: мальчишке нужен был отец, а дядя Афоня относился к нему как к сыну. Все сочувствовали Витьке, видя, как он страшно переживает. Светка все время была рядом с ним, она просто молчала...

Суд доказал виновность двух преступников, и каждый из них был приговорен к длительному сроку заключения. Отягчающим суд счел то обстоятельство, что дядя Афоня был орденосцем Великой Отечественной войны.

Комната, где должны были зачитывать решение суда, была переполнена. Когда выводили двух подсудимых в наручниках, народ выкрикивал проклятья. Судья просил всех успокоиться. Неожиданно для всех из толпы выскочил Витька и с криком «сука!» с ножом бросился на двух подонков. Милиция помешала Витьке вершить самосуд. Но, когда зачитали приговор, один из державших Витьку милиционеров сказал ему:

– Не переживай, сынок, вся эта история, включая твой поступок, будет хорошо известна в тюрьме, и им живым оттуда не выйти...

P.S. И Светка, и Витька закончили школу на отлично. Светка училась в Ленинграде, Витька – в Москве. Летом они встречались, как и другие выпускники, в своем городе. Но каждый жил своей жизнью. Оба окончили институты, но семьей не обзавелись...

Однажды от своих однокашников Виктор узнал, что Светка приехала к своим родителям отдохнуть в любимом городе и спрашивала про Витьку, как он, где он. Витька долго не думал. На машине он летел в город своей юности. «БМВ» стала его любимой машиной... Он знал, конечно, где живет Светка. В полдень он подъехал к дому родителей Светки и поставил машину задним стеклом к воротам. Он дал два гудка.

– Кто там с ума сходит? – спросила Светку мать.

Светка выскочила за ворота, как сумасшедшая, и увидела машину. На заднем стекле крупно и красиво было выведено: «БМВ-Светка». Они обнялись, прижавшись друг к другу, и громко, как дети, ревели – все вернулось на круги своя.

Может, так бывает редко. Но с Витькой и Светкой все именно так и случилось.

Буханка хлеба

Век живи – век учись... Это народная мудрость. И вряд ли разумный человек будет оспаривать это утверждение.

Известный всему миру философ Сократ, не зная об этой народной мудрости (а может быть, это после его изречения и появилась поговорка), говорил: «Я знаю, что ничего не знаю...» Весь мир учится, чтобы узнать больше; учится, учится и учится, потому что с детства нам внушают, что ученье – свет, а неученье – тьма! И хотя сатирик XX века Эмиль Кроткий писал, что ученье – свет, а неученых – тьма, мы все продолжаем учиться.

Причем каждый старается попасть к хорошему учителю, а хороший учитель – большая редкость... Великому Александру Македонскому повезло – его учителем был сам Аристотель; великий Петр учился у немцев, великая Екатерина набиралась ума-разума у французских энциклопедистов; Наполеон сам учил всю Европу, которая до сих пор живет по его конституции... У кого учились Ленин и Сталин? Они были самоучки...

Современные люди учатся в школах и в высших учебных заведениях. Кстати, о школах. Царские гимназии и реальные училища, начальные и средние школы большевиков образовывали российское население. Еще Екатерина Великая в своем манифесте при захвате трона писала, что будет уделять большое внимание образованию населения, так как ей нужен грамотный народ... Школьный учитель сродни родителю. Конечно, хороший школьный учитель, то есть настоящий учитель...

Можно что угодно говорить о системе большевиков, но школьное образование у них было поставлено на высокий, как минимум – должный уровень...

Многие говорят, что им повезло со школой: это значит, у них были хорошие, правильные учителя, сродни отцу и матери, старшему брату и сестре...

Сашка Буров пошел в первый класс в год окончания войны с Гитлером. Всю жизнь он будет говорить, что с учителями ему здорово повезло...

...Была осень 1945-го года, когда Сашка пошел в первый класс. Это были холодные и голодные послевоенные годы. Не хватало всего – одежды, обуви, учебников, тетрадей. На уроке рисования коробка цветных карандашей была одна на весь класс в тридцать учеников, и, если тебе нужен был, к примеру, красный карандаш, ты должен был просить его и ждать. Но самым страшным недостатком была нехватка еды. Почти все приходили в школу голодные. До начала занятий ученики сдавали учителю по двадцать копеек, и в класс заносился большой черный жестяной поднос с тридцатью маленькими, узкими и тонкими кусочками хлеба, сверху которых был тонкий слой джема. Почти все мальчишки (тогда были отдельные школы) в момент съедали свой завтрак. Сашка этого сделать не мог. Он медленно, мучительно медленно съедал половину бутерброда, вторую половину он прятал в парту, чтобы после уроков бегом отнести эту половинку своей младшей сестренке Зинке. Для него было большим испытанием удержаться и не съесть весь кусочек хлеба. Бывало, он не удерживался – слишком было это мучительно, проклятый голод давил его... И тогда после уроков он лез из кожи вон, чтобы выиграть несколько копеек в «стеночку» или «стуканчик» и купить на базаре крохотную булочку для сестренки. Казалось бы, какая там учеба в голодные годы! А вот нет – образование было обязательным. Попробуй какой-нибудь родитель не отдать своего семилетнего ребенка в школу – преступление! Об этом никто даже и не думал. И учились. Дети становились октябрятами, затем пионерами, а в четырнадцать лет – комсомольцами. Именно это поколение считало за честь окончить школу с золотой медалью и получить право на поступление без экзаменов и собеседования в любое высшее учебное заведение. Именно представители этого поколения возглавили советскую науку, и одному из них предстояло создать торпеду, которая под водой развивала немыслимую скорость. А пока они ходили в златанных брюках, у них

не было нормальных портфелей. И улица была их стихией. Сашка был одним из них, но в то же время он отличался от всех пацанов – он был лучший в школе, он был лучший футболист, он выделял чудеса на турнике – так мальчишки называли сделанную ими между деревьями перекладину. А каким он был драчуном... Никто не мог его победить в кулачном бою, но первым он никогда не задирался...

Война многих детей оставила без отцов. Сашке в этом отношении повезло – его отец вернулся целым и невредимым. Сашку он держал в ежовых рукавицах, хотя и разрешал ему многое...

Лето для послевоенных мальчишек было всегда большим праздником – улица, футбол, речка, рыбалка, раки и, конечно, налеты на колхозные и частные сады и огороды. Пищу добывали себе сами.

Это был обычный летний день. Пацаны с Сашкиной улицы, конечно, во главе с ним, отправились на речку. Конкретных планов не было. В этот день они выбрали путь мимо городской пекарни. После войны это была единственная пекарня в городе. Запах свежесдобитого хлеба возбуждал задолго до пекарни. Мальчишки часто останавливались около приоткрытого окна пекарни, от запаха хлеба у них кружилась голова. Они стояли молча, почти не шевелясь... Иногда окно открывалось, и оттуда прямо на мальчишек вылетала буханка горячего хлеба. Сашка, конечно, всегда был первым, кто ловил буханку. Хором пацаны кричали: «Спасибо!»... На берегу речки, в своем излюбленном месте, где река делает крутой поворот и течет вдоль старого леса, мальчишки решили, что Сашка и двое его друзей отправятся на колхозные огороды за луком, помидорами и огурцами, а остальные пацаны будут дожидаться их с хлебом.

Украсть с колхозного огорода, конечно, было делом наказуемым, но мальчишки не думали об этом: голод их гнал. Сашка хорошо знал технологию налета: во-первых, спрятаться в лесу или в кустах недалеко от огорода и следить за колхозным сторожем – где он, куда идет, присел ли покурить или отдохнуть... Выбрав удобный момент, один из мальчишек (как правило, это был Сашка) выходил из засады и направлялся к сторожу, два других ползком пробирались к огородам. Сашка старался подойти к сторожу таким образом, чтобы тот спиной стоял к двум другим мальчишкам. Сашка начинал разговор со сторожем – не нужно ли помочь собрать урожай... Сторож, как правило, был не особенно настроен на разговор. Сашка тогда просто просил пару огурцов, иногда сторож давал, а чаще злился и прогонял. Сашка увлекал его разговором и, когда видел, что его друзья с полными пазухами направляются в лес, сам со словами: «жалко, ну ладно» – уходил. Эта система не всегда хорошо срабатывала. Но сегодня все прошло удачно. Буханка хлеба, огурцы, зеленый лук, помидоры – большой пир. Пацаны были очень довольны...

На следующий день отец спросил Сашку, где он был вчера, и, узнав, что Сашка был тем самым пацаном, который с корешами получил буханку хлеба, с горечью сказал:

– А ты знаешь, что за эту буханку тот мужик сейчас находится в кутузке? Да его еще обвиняют, что он делает это не первый раз – ворует у государства хлеб. Ворует, понимаешь? А раз вам бросает, значит, и себе берет... Тюрьма ему грозит, причем срок не маленький. Вы часто получали хлеб таким образом?

– Да нет, не всегда, часто уходили ни с чем.

– Значит, когда вам летела буханка хлеба, была его смена. Вот чем оборачивается добро...

Сашка заплакал.

– Плакать не надо, слезами не поможешь.

– А что делать?

– Надо думать.

Все случилось внезапно. Сашка выскочил, как ужаленный, и бегом... Он стоял в отделении перед дежурным милиционером и ревел:

– У вас сидит пекарь, это нам он бросил буханку.

– А ты что, его сын?

– Нет, я никто ему. Мы с пацанами стояли перед окном, он увидел нас и бросил.

– Ну вот, теперь десять лет бросать не будет.

– Как десять лет? – Сашка заревел во весь голос. – Лучше меня посадите. Пожалуйста, отпустите его, мы отработаем за эту буханку...

В это время из двери напротив дежурного вышел другой милиционер, дежурный сразу встал, отдавая ему честь. Сашка продолжал реветь:

– Пожалуйста, отпустите его, он не виноват.

– Это что за пацан? – спросил дежурного главный.

– Да вот, пришел просить за пекаря.

– Что, сын его?

– Нет, один из тех, кому он бросил буханку.

– Один из тех? А-а... Ну, малый, заходи в мой кабинет.

Сашка последовал за ним.

– Ну, рассказывай, ты зачем прибежал сюда? И кто тебе сказал, что пекарь у нас?

– Дяденька, я прошу вас, – продолжал, рыдая, говорить Сашка. – Пекарь ни в чем не виноват, это мы, голодные пацаны...

Начальник милиции прервал его:

– А кто тебе сказал, что пекарь у нас?

– Мой отец.

– Так это он послал тебя сюда?

– Нет, я сам прибежал, как только отец сказал мне, что пекаря из-за нас могут посадить...

Пожалуйста...

– Да перестань плакать. Так что, твой отец не знает, что ты побежал к нам?

– Нет, не знает.

– А кто твой отец?

– Дядя Артем.

– Какой это дядя Артем?

– Его все так зовут в городе.

– Это Артем Аркадьевич? Механик?

– Да, это мой папа.

– Ах, вот как. Смелый у него сын.

В это время в дверь начальника постучали, и вошел отец Сашки.

– Извини, Василий Павлович, сорвался малый как с цепи. Я не успел его остановить.

Извини, я заберу его...

– Зачем его забирать? Он ведь единственный защитник пекаря. Какой у тебя малый красавчик, весь, вижу, в отца. Представляешь, плачет и говорит: «лучше меня посадите». Какого парня ты воспитал, Артем! Спасибо тебе. Давай позовем пекаря.

В кабинет вошел пожилой мужчина. Увидев Сашку, он улыбнулся:

– Малый тут ни при чем, он даже не просил, они все стояли, как обычно, и вдыхали запах хлеба... Да и кто может такое выдержать!..

– Вот ты говоришь, он ни при чем, – сказал начальник милиции. – А он как раз очень при чем, он пришел защищать тебя, даже просит посадить себя вместо тебя.

Пекарь растерялся:

– Да он же малой, он не понимает.

– Ты напрасно так, он как раз понимает, что за добро наказывать нельзя. Если бы не он, ох тяжело было бы тебе. Ладно, Артем, забирай своего героя. А ты, защитник, как в школе-то учишься?

– Я – отличник, – с гордостью сказал Сашка.

– Отличник – он ведь везде отличник. Хорошо, герой. Пекаря мы отпустим, пекарня объявит ему выговор. Успокойся...

Сашка больше никогда не ходил на речку мимо пекарни, да у него и не было нужды – пекарь, дядя Егор, каждый месяц приносил Сашке домой буханку хлеба, которую он сам из купленной на базаре муки выпекал специально для своего защитника.

P.S. Великая Отечественная война с фашистами окончилась весной 1945-го года. Американцы и англичане завершили войну союзниками СССР.

Потепление между союзниками страшной войны побудило многих людей из России, проживавших за границей, найти своих родственников в Советском Союзе...

Красный Крест по просьбе жителя США Виктора Зотова разыскал его племянника, сына его старшего брата, Егора Зотова, проживавшего на юге России. Этим Егором Зотовым оказался пекарь дядя Егор. Отношения с американцами еще были союзнические, и Егору разрешили отправиться в США по приглашению дяди.

Перед отъездом дядя Егор заходил к Сашкиному отцу и рассказал историю о своем родственнике. Сашка собирал марки, и дядя Егор обещал привезти ему американскую коллекцию. Его дядя был небедным американцем.

Больше Сашка о дяде Егоре ничего не слышал. Сашкин отец был уверен, что пекарь остался у своего дяди.

Прошло много лет. Миновала эпоха холодной войны с Соединенными Штатами, наступила оттепель, а потом пришло время перестройки...

Сашка уже был совсем взрослым человеком, он обзавелся семьей и детьми. Его дети хорошо знали историю о буханке и пекаре Егоре.

Однажды холодным зимним утром Сашка получил письмо от Красного Креста. «Неужели от дяди Егора?!» – сразу стрельнуло у него в голове.

В письме от Красного Креста сообщалось, что гражданин США, господин Егор Зотов, умерший 28 декабря 1989 года, в своем завещании оставил 450 тысяч долларов своему защитнику Александру Брызгалову... В завещании дядя Егор просил Сашку потратить часть этих денег и поставить на местном городском кладбище небольшой памятник.

Далеко от американского городка Гринвич, где был похоронен дядя Егор, – в городе, где он родился, на юге России, на местном кладбище стоит каменный крест с надписью, понятной только тем, кто сохранил в своей памяти историю о буханке хлеба.

Большими буквами на кресте высечены слова: «ПЕКАРЮ ЕГОРУ ОТ ЗАЩИТНИКА».

Директор СШ №1

СШ – это сокращенное название средней школы. Именно ее надо было закончить молодым людям, чтобы получить право поступления в высшее учебное заведение.

Во времена, когда Виктор Долгов заканчивал школу, девчонки и мальчишки учились раздельно: были женские и мужские средние школы. Это ни у кого не вызывало никаких вопросов, наоборот, было даже интересно: естественная интрига, своего рода тайна... Старшеклассники регулярно устраивали вечера, из которых самым праздничным и многообещающим был новогодний вечер. Танцы были неотъемлемой частью таких вечеров. Между прочим, тогда, помимо танго и фокстротов, юноши и девушки танцевали и бальные танцы, вроде тустепа или полонеза.

Эти вечера были возможностью познакомиться и начать дружить. Так и говорили: «давай дружить». Для современников это звучит смешно и наивно, но именно так 15-летний мальчишка делал первую попытку признаться в любви девушке.

В жизни Виктора средняя школа сыграла очень большую роль. Иногда он даже думал, что школа дала ему больше, чем институт, и уж точно не меньше. И не только потому, что это было время его первой любви, первых поцелуев, и не потому, что, как любил он говорить, ему повезло с учителями...

Директор школы тоже был его учителем, он вел историю в старших классах и через свой предмет преподавал ученикам еще и уроки жизни.

Случилось так, что Виктор и директор школы, Александр Кириллович Просоедов, стали друзьями. Зерна их дружбы были посеяны еще в школе, проросли они во время учебы Виктора в институте, а давали плоды всю оставшуюся жизнь.

Не было года, когда бы Виктор, хоть на короткое время, не посетил свой родной город. И, конечно, первым человеком, к которому он шел в гости, был Александр Кириллович. Часто, особенно когда были живы родители, Виктор приезжал в родной дом со всей своей семьей, и тогда они все вместе приходили к Просоедову, ставшему другом семьи.

Директора школы Виктор помнил с первого класса. Да и сам директор запомнил необычного первоклассника. А дело было так. В конце первой недели сентября директору школы доложили, что в первом классе «А» и в первом классе «Б» числится один и тот же мальчик – Виктор Долгов. И, самое главное, он не просто числится, он ходит каждый день в школу: в первую смену – в первый класс «Б», а во вторую смену – в первый класс «А». Директор впервые столкнулся с таким интересным случаем. И решил сам поговорить с мальчиком.

После окончания первой смены учительница первого класса «Б» показала мальчика заинтригованному директору. Директор заулыбался:

– Да, я знаком с этим мальчиком. А вы знаете, что он читать умеет?

– Да, об этом я как раз хотела вам сказать, – смущенно ответила учительница.

– Это хорошо, что вы заметили, хотя и не сразу, что он ходит в две смены. А вот тем, что он умеет читать, вы почему-то забыли меня удивить. Что, это не первый случай в вашей практике? Вы уже привыкли к таким случаям?

– Нет. Это первый случай, но я, извините...

– Ничего страшного, я с ним поговорю. Приведите его ко мне в кабинет.

Перед директором стоял обычный первоклассник послевоенных лет. «Да, это он», – директор не ошибся. Совсем недавно, за несколько месяцев до начала учебного года, завхоз школы, который одновременно был и сторожем школьного фруктового сада, поймал маленького воришку и привел его к директору. Дом, где он жил, находился на школьной территории, рядом с садом. Таких школ, наверно, сегодня и не осталось. А СШ №1 до советской власти была реальным училищем, и, конечно, царская система заботилась о директорах, которые стояли во главе народного образования.

Так вот, Александр Кириллович запомнил этого мальчишку, который, как выяснил завхоз, постоянно «посещал» школьный сад. Мальчишка не по годам владел речью, спокойно и свободно разговаривал. Это удивило директора, и он сказал ему:

– Хорошо, что ты говоришь складно, а когда пойдешь учиться, научись и читать.

– А я уже умею читать, – огорошил директора Виктор.

Директор быстро спохватился, что он слишком увлекся воспоминаниями первой встречи с мальчиком, который стоял перед ним, и, прервав свои мысли, он начал:

– Ну, здравствуй, мальчик.

– Здравствуйте.

– Как тебя зовут?

– Витя.

– А как твоя фамилия?

– Долгов.

– А ты знаешь, кто я?

– Да. Директор.

– А в какой класс ты ходишь?

– В первый.

– Сейчас у тебя закончились занятия в первом «Б», а потом что?

– А потом пойду в первый «А».

– А кто тебе сказал, что надо ходить и в первый «А», и в первый «Б»?

– Никто, я сам знаю.

– Откуда ты знаешь?

– Как откуда? У меня старший брат как уйдет на завод утром, так только вечером и приходит.

– Ах вот в чем дело! Значит так, Витя, ходи в школу только с утра, в первый класс «Б». Вот когда будешь работать, тогда уж на целый день. Договорились?

– Хорошо. А то мне и в футбол некогда поиграть.

– А ты меня не узнаешь? Мы ведь с тобой встречались.

– Нет, я вас узнал. Но тогда вы были не в форме. – Директор носил в школе офицерскую военную форму, другого костюма тогда у него просто не было.

– Хорошо, Витя, иди. Запомни только: первый класс «Б» с утра, учишь хорошо.

– А мне ничего не будет? Я ведь два раза завтраки получал.

– Нет, ничего не будет, – засмеялся Александр Кириллович...

Первый класс «Б» остался в жизни Виктора на все десять лет. До восьмого класса Виктор встречался с директором школы только в школьных коридорах или на школьных праздниках.

В школе знали, что лучше не попадаться на глаза директору: он слыл очень строгим. Во время перемен, когда ученики, особенно младших классов, буквально сходят с ума, он неожиданно появлялся в самых горячих точках, и активность мальчишек моментально снижалась. В одну из таких перемен Виктор гнался сломя голову по коридору школы за своим обидчиком, чтобы врезать ему, и на всей скорости столкнулся с директором школы, который будто вырос из-под земли. Директор схватил его обеими руками:

– Ты что, хотел сбить меня? Вот ты каким растешь! А еще отличник. А ну, пойдём со мной.

Виктор остолбенел. Наступила мертвая тишина. Шесть лет спустя Виктор снова оказался в кабинете директора школы, теперь он был семиклассником. Виктор опустил голову и размышлял, как после уроков набросится на того, за кем бежал.

– Ну что, отличник, а поведение-то у тебя на двойку. Чуть не сбил директора с ног. Что ты всегда на переменах такой шустрый? Придется тебя наказать. Почему ты так несся за ним? Что он тебе сделал?

– Он обозвал меня.

– И как же он тебя обозвал?

– Не хочу повторять.

– Что, такое плохое слово? Так его тоже надо наказать?

– Я его сам накажу. Я ему дам, он запомнит.

– Вот видишь, мой старый друг, ты после уроков собираешься затеять драку. Если действительно дашь ему здорово, то его родители придут в школу жаловаться. А ты что, так уверен? Ты что – хороший драчун?

– Со мной ровесники не дерутся.

– А со старшими ты не дерешься?

– Нет, я дерусь и со старшими, если меня обидают.

– Да, Виктор, отличник и драчун – это просто несовместимо. Ты по поведению должен быть примером, а иначе все может кончиться плохо... Подумай об этом. Давай начнем с того, что никакой драки после уроков не будет...

– А он подумает, что я струсил.

– А я уверен, не подумает. Он скорее подумает, что я тебя серьезно предупредил... Оно ведь так и есть? Давай с тобой договоримся: ты парень способный, все учителя считают, что ты можешь отлично закончить школу, поэтому возьми за ум, действуй словами, а не кулаками. Иди на урок. Наказывать я тебя не буду. Ты, я уверен, все понял...

Пройдет много лет. Виктор и директор станут друзьями, и тогда он поймет, что Александр Кириллович был не только хорошим преподавателем, он был и хорошим воспитателем. Он интересовался всеми учениками. Уже после окончания седьмого класса директор точно мог оценить потенциальные возможности каждого из своих учеников, знал их слабые и сильные стороны, вел большую работу с классными руководителями, и, как правило, он не ошибался. Все его любимцы добились больших успехов в жизни, а один из них стал даже лауреатом Ленинской премии, он возглавлял лабораторию, создавшую оружие, за которым до сих пор охотятся во всем мире и не могут создать аналога.

Воспитатель! Это от Бога. Это по-особому стоят планеты, появляются и исчезают звезды, возникают новые Вселенные, когда рождаются такие люди. Создается впечатление, что они запрограммированы еще с момента зачатия, и, когда плод превращается в сформированного ребенка, программы его жизни, его восприятия мира и поведения в нем уже определены. Не напрасно народная мудрость говорит: «у него на лбу написано». Лоб-то прикрывает мозг, поэтому написано, то есть запрограммировано – в мозгу. Люди не могут изменить себя, так как не могут изменить свою программу; людей умных, добрых, независтливых, преданных своему делу, друзьям, родным и близким не так уж мало. Но, к сожалению, не так уж и много.

Александр Кириллович был одним из таких людей. Ученики, в которых он верил и которым он стремился отдать все, были дороги ему, как свои дети. Виктор часто вспоминает такой случай. Во время очередного приезда в свой город он, как всегда, со всей своей семьей отправился в гости к директору. Александр Кириллович жил в том же директорском доме, прилежавшем к прекрасному фруктовому саду. Встретились они как родные люди. Директор поинтересовался, не знает ли Виктор, как дела у Бориса Крючкова, который окончил школу раньше Виктора. Еще студентами они подружились в Москве, часто встречались, но затем жизнь сложилась таким образом, что оба они много работали за границей и потеряли связь, хотя через общих знакомых знали друг о друге, передавали приветы, однако давно не виделись. Александр Кириллович никак не мог понять, как же это так: жить в одном городе, окончить одну и ту же школу, один и тот же институт и не встретиться в Москве. Он расстраивался, когда

в очередной раз узнавал, что его любимые преуспевающие в жизни ученики так легкомысленно относятся к общению между собой. Он воспринимал это так, будто два родных брата живут в Москве и не встречаются. Виктор рассказывал Александру Кирилловичу, что еще на первом курсе, когда ему не дали места в общежитии, он снимал угол в коммунальной квартире, где обитали шесть семей, и на всех была одна кухня, один туалет и одна ванная. Виктор тогда курил и на кухне часто покуривал с одним из жильцов, простым работягой. Во время перекура они болтали обо всем. И когда жилец-работяга узнал, что у Виктора есть братья, он похвалился, что и у него есть родной брат, который тоже живет в Москве, но вот уже десять лет как они не видятся. Когда Виктор рассказал об этом своей матери во время летних каникул, та расплакалась и стала просить отца забрать Виктора из Москвы: она боялась, что в таком большом городе ее Витька станет таким же, как его сосед по коммунальной квартире.

– Видишь, – сказал директор, – твоя мать считает, что это преступление, грех, когда родные люди не общаются. Я не плачу, но вы оба меня очень расстраиваете. Виктор, давай рассуждать. Ты ведь помоложе, ну, возмись за это дело, ведь не все время вы находитесь за границей. Вы ведь часто по делам бываете и в Москве, ну, организуй так, чтобы вы встретились...

Александр Кириллович переживал, как родной отец за своих детей.

Я часто думаю: есть ли такие люди, такие директора сегодня в наших школах? Конечно, семья в основном ответственна за будущих граждан своей страны. Александр Кириллович это прекрасно понимал, но одновременно он, как и родители, вкладывал свою душу в учеников, особенно в тех, в кого он верил; он, как и их родители, хотел, чтобы его любимцы стали не только героями, но и правильными людьми в жизни. Он искренне переживал, что его ученики живут в Москве и не встречаются...

...Александр Кириллович стал заслуженным педагогом страны... Виктор не сомневался, что заслуженных много, но ему бы очень хотелось увидеть нового Александра Кирилловича и поговорить с ним. Именно такие педагоги – и Виктор уверен в этом – являются достоянием страны, а не те, которых мы видим в рекламных роликах...

Азарт

Отец Роберта был и остался для него самым незаменимым человеком на земле. Независимо от того, где находился Роберт, как минимум один раз в году он должен был провести в доме отца неделю, а иногда и две. Юг России был его родиной. Здесь он родился, окончил среднюю школу, переживал первые терзания любви, научился дружить, здесь он делал первые шаги по трудной дороге жизни, постигая азы. Отец был для него примером во всем. Его мудрость и необыкновенное чувство здравого смысла остались вечным источником силы для Роберта.

На протяжении всей своей жизни Роберт не переставая восхищался человеком, который волею небес был его отцом. Мать Роберт любил, считал ее своим светлым ангелом-хранителем, несмотря на то, что она лупила его по любому поводу, уверенная, что иначе мальчишка вырастет хулиганом или даже вором. В отличие от матери, отец ни разу не тронул его пальцем. У него были свои методы: он сажал Роберта напротив себя и рассказывал, *что* произойдет с ним в жизни, если он будет продолжать вести себя как хулиган. Роберт быстро уставал от этих нотаций отца и часто про себя думал: лучше бы отлупил да и отпустил с миром. Нет, отец продолжал вдавливать в голову хулиганистого пацана, к чему приведет его поведение. Даже мать, слушая нравоучения мужа, вмешивалась:

– Да дай ты ему хорошенько, больше толку будет...

Отец не отступал от своего.

Эти беседы продолжались между отцом и сыном всю жизнь. Уже когда Роберт занимал солидное положение, отец при удобном случае всегда говорил:

– Хочу сказать тебе несколько слов. Я понимаю, что все, о чем я буду говорить, ты или уже знаешь, или не раз слышал. Но наберись терпения – послушай еще раз.

И Роберт слушал и всегда помнил эти беседы. Его отец был удивительным человеком, таких он не встречал на своем жизненном пути. Только подумать: Роберт никогда не слышал от своего отца ни одного матерного слова. Уже заканчивая школу, Роберт никогда не видел его не только выпившим или пьяным, но даже пьющим. Выпивать отца научил позже его собственный сын, старший брат Роберта: три брата встречались в доме отца, вместе за столом выпивали, и отец никогда не отставал от сыновей. Но ни на поведении отца, ни на его речи состояние алкогольного опьянения не сказывалось никак. Удивительный человек... Вряд ли на земле найдется другой такой, как он.

Азартные игры и, в первую очередь, игра в карты, да еще на деньги, для отца были преступлением. Он играл только в шашки, но играл мастерски, и никто из сыновей не мог обыграть его.

Отец Роберта умер в возрасте восьмидесяти лет. Он не болел. Летом, когда он с мамой Роберта сидел в саду, она вдруг захотела вишен. В саду вокруг дома, где вырос Роберт, было три прекрасных вишневых дерева, это были высоченные, громадные деревья. Когда матери захотелось вишни, в доме не было никого из молодых. И отец Роберта, восьмидесятилетний мужчина, полез на дерево сам. Отец Роберта был высокого роста, но лишнего веса в нем не было. Боковая ветвь вишни, на которой он стоял, треснула, и отец Роберта упал на землю... Через два дня Роберт со своей семьей прилетел к отцу. Поездка была заранее запланированной: Роберт работал за границей и на время отпуска перед поездкой на море прилетел с женой и детьми навестить отца. Ничего не предвещало особенной тревоги. Ведущий хирург города, бывший одноклассник Роберта, объяснил, что у отца сломана ключица и ему надо меньше лежать, так как в преклонном возрасте люди часто уходят из жизни не из-за сломанных ключиц, а от пневмонии, быстро развивающейся от неподвижного образа жизни. «Ему надо больше двигаться», – был простой совет друга. Роберт расставил кресла по всей территории сада, и отец ходил поти-

хоньку от кресла к креслу... Через неделю Роберт улетел со всей семьей на морское побережье... А еще через десять дней он вернулся в дом своего детства и юности. Хоронить отца... Роберт стоял перед гробом отца на коленях, и слезы сами дождем катились по лицу. Ему казалось, что внутри него все куда-то исчезает... Но отец не ушел, он остался с Робертом на всю жизнь...

Нельзя сказать, что современная жизнь, полная всяких соблазнов, не привлекала Роберта и что он, прежде чем вкусить запретных плодов, вспоминал о предупреждении отца и останавливался. Нет, он не вырос ангелом, но, как сам любил говорить, не стал ни преступником, ни наркоманом, ни алкоголиком, несмотря на страшное давление водки в его производственной и социальной жизни. Помня отца, он учил себя останавливаться. Однако по природе Роберт был все-таки азартным человеком, и карты, игра в преферанс, стали его первым источником совращения... Студенческая жизнь предоставляет молодому человеку большую свободу распоряжаться своим временем. Грубо говоря, его никто не контролирует, и только зачеты и экзамены два раза в году показывают, как занимается студент, и, если у него есть серьезные долги, он может элементарно вылететь из института. Практически самостоятельно распоряжаясь временем, студенты могли его значительную часть тратить на различные увлечения, такие, как театр, встречи с друзьями, вечеринки и так далее. В свободное от таких развлечений время Роберт большую часть вечеров проводил за игрой в преферанс со своими друзьями и приятелями. Студенты, как правило, играли на деньги, и особенно азартные и не очень расчетливые, те, кто рисковал в надежде на то, что им повезет с прикупом, часто проигрывали. И проигрывали помногу. Роберт увлекся игрой в преферанс, но, всегда помня наставления отца, он научился контролировать себя и не гнаться за выигрышем, рискуя в игре. Его осторожная игра не нравилась некоторым, но они не могли придаться к нему, потому что его расчет был оправдан.

Московская студенческая жизнь, несмотря на все страшные истории о советской действительности, контролируемой коммунистами, была почти раем для молодежи. Хорошо окончил школу, скажем, с золотой медалью, – двери открыты в любой институт, дальше все зависит от тебя. Хорошо учишься в институте – получай стипендию, отлично учишься – получай повышенную стипендию, хочешь больше денег – всегда можно подработать (от физического труда до подработки репетитором со школьниками). У студентов соблазнов – море, но если не научился контролировать себя, не научился останавливаться, не научился мобилизовать себя во время экзаменационных сессий, то пиши пропало.

Отец научил Роберта из всех проблем, существующих на данный момент, сосредотачивать свои усилия на главной, оценивать опасность и не пересекать запретную линию, а также вкалывать изо всех сил, когда этого требуют обстоятельства. Сказать, что Роберту всегда удавалось следовать советам и принципам отца – значит покривить душой против истины... В жизни все бывает сложнее, но, если помнишь данные тебе отцом заветы, может и повезти. Когда говорят «ему везет», часто забывают, что везет не слабакам, а сильным, старательным, осторожным, не теряющим голову...

Если тебе где-то просто повезло, то люди склонны не верить тебе, они часто думают, что ты просто хитришь, говоришь «не знаю», когда знал это давно и даже увлекался этим предметом.

Вот один примечательный случай. Было это в Англии. Когда Роберта, еще совсем молодого специалиста, отправили на работу в Лондонский Сити, в частную английскую компанию, капитал которой полностью принадлежал советской власти еще с 1924 года, для него это было равносильно высадке на другую планету – ни больше, ни меньше. Лондон, столица империи, где солнце никогда не заходило за горизонт. Британская империя! – это вам не фунт изюма...

Для советского молодого человека Лондон был не то чтобы городом мечты, он был вообще недостижимым местом жительства. Мечтать, что ты будешь работать в центре мирозда-

ния, было просто нереально. Даже глупо. До этого не доходил никакой пылливый и амбициозный ум любого молодого человека... Роберт и не мечтал. Ему вообще сначала предложили поехать в Йемен. И он, как молодой специалист, согласился... Но высадка состоялась в Лондоне...

Все было как во сне. Лондонский Сити!.. Казалось, весь мир вращается вокруг этого места. Это был центр солнечной системы мирового бизнеса... По сравнению с Москвой Лондон представлял собой бездонный сосуд соблазнов.

Аскот был одним из таких соблазнов: королевские скачки. Каждый год одна неделя в Аскоте посвящалась королеве. Эта неделя так и называлась – Королевской... Именно в течение этой недели ставки повышались до небес... Крупные компании арендовали ложи для своих традиционных партнеров. У Роберта со многими компаниями были отличные отношения. За месяц до начала знаменитых скачек он получил приглашение посетить их в один из дней Королевской недели. Сами скачки никогда не интересовали Роберта. В телефонном разговоре он поблагодарил президента американской компании и признался, что ничего не понимает в этих скачках, так что лучше использовать приглашение для жаждущих получить его. Президент объяснил ему, что в этот день в ложе их компании будет много людей, хорошо знающих Роберта, и они будут удивлены, если его не окажется среди гостей. Что касается понимания, то он пришлет ему своего помощника, который, являясь экспертом в деле скачек, по дороге в Аскот объяснит Роберту нужные детали и даже даст кое-какие ориентировки.

– Так что, Роберт, прошу, не отказывайся, я уверен, ты останешься довольным. Да, еще: не забудь взять с собой немного наличных. Все будут понемногу ставить, и ты будешь чувствовать себя неудобно, зачем выделяться? – закончил разговор президент. Доводы были убедительными, и Роберт начал готовиться.

Королевская неделя – особая неделя на скачках. Начать с того, что каждый день этой недели Королева Елизавета пышно выезжает в своей карете из Виндзора в Аскот, и ее встречают разодетые гости... Женщины в длинных платьях и шляпах с цветами, мужчины в цилиндрах и специальных туго обтягивающих тело светло-серых костюмах...

По дороге в Аскот Алан (так звали помощника президента) рассказал о некоторых деталях скачек и ставок. Роберт, не вдаваясь в подробности, решил про себя: если ставить, то ставить на победу отдельно взятой лошади. Алан ознакомил его с фамилиями жокеев и именами лошадей. Роберт заметил, что одна из фамилий жокея хорошо ему знакома: о нем много писали в газетах, но в последнее время его преследовали неудачи. Этим жокеем был Пигот. Про себя Роберт решил, что первую ставку он сделает на Пигота.

Ложа состояла из двух частей: передняя часть предназначалась для обозрения скачек, тыльная часть – для разговоров, выпивки, закуски и так далее... Пигот был в первом заезде. Роберт поставил на него. Перед началом первого заезда объявили, что Пигот в первом заезде не участвует, но будет участвовать во втором, и что сделанные на него ставки будут действительны для второго заезда. Роберт спокойно воспринял эту информацию. Из присутствующих гостей никто не поставил на Пигота, а когда Алан узнал, что Роберт поставил на Пигота, он сказал ему:

– Ты так думаешь? Он ведь в последнее время ничего хорошего не показывает...

Когда закончился второй заезд, было объявлено, что победил Пигот. Удивленный Алан смотрел на Роберта, пожимая плечами. Роберт разговаривал с одним из своих клиентов, когда Алан подошел к нему.

– Роберт, почему ты не идешь за деньгами? Ты ведь знаешь, что на Пигота поставили очень немногие. Тебя ждет большой куш. Ты много поставил?

Роберт посмотрел на него, улыбаясь:

– Ты ведь знаешь, Алан, я никогда много не ставлю.

– Вот черт, – начал Алан. – Правду говорят: когда Роберт признаётся, что он ничего не понимает, надо дважды подумать – что он имеет в виду.

– Но ты ведь знаешь, Алан, – улыбаясь, сказал Роберт, – я всегда имею в виду то, что говорю.

Роберт подошел к кассе, где он ставил на победу лошади Пигота. Пожилая женщина запомнила его.

– Удачное начало, – весело сказала она.

Роберт еще не знал, что ему будет очень непросто разместить деньги в таком плотно облегающем костюме. В этот момент Роберт понял – что значит поставить на лошадь наездника, в которого уже никто не верил. Женщина, которая отсчитывала ему деньги, казалось, радовалась за него, как за родного. Роберт дал ей чаевые, которые бы с лихвой покрыли расходы на обед в самом лучшем лондонском ресторане...

Алан встретил Роберта в ложе.

– «Я не понимаю», – повторил он слова Роберта. – Ведь я, дурак, объяснял ему, как мальчику...

– Алан, ты напрасно себя терзаешь, я действительно ничего не понимаю в скачках, но я должен честно признаться, что люблю лошадей. Еще в далеком детстве у себя на родине мы, мальчишки, часто водили лошадей на водопой на речку, мыли их и, конечно, ездили на них, причем без седла. Среди нас был пацан, который мог ездить на любой лошади. Все они под ним вели себя спокойно. Лошадь, видно, чувствует наездника. Из всех наездников я знал только имя Пигота. Я уверен, что его прошлые успехи объясняются его любовью к лошади как к животному, и лошадь чувствует это и старается для него... Вот и все.

– История хорошая, – сказал Алан. – А теперь расскажи мне о своих планах... На кого нам надо ставить?

Роберт заулыбался.

– Да что рассказывать? Я пропущу несколько заездов.

– Что, боишься потерять свой выигрыш?

– Нет, не боюсь, ведь я мог и проиграть. Я просто подожду. Наверно, я поставлю на последний заезд. Знаешь, проверю: первый и последний заезды. Как?

– Ну, Роберт, ты даешь!..

Пришло время последнего заезда. Роберт отошел в сторону, отсчитал сумму денег, которую он решил поставить. Эта сумма превышала его месячную зарплату, зарплату президента крупной компании в Сити. Он прочитал названия лошадей, участвующих в последнем заезде. Жокеев он не знал. Пигота там не было. Он пошел к тому же окну, где он ставил на первый заезд. Впереди него стояли два американца. Они демонстративно держали в правой руке по толстой пачке крупных банкнот и похлопывали пачкой по левой ладони. Говорили громко, поэтому Роберт четко слышал, что они обсуждают имена двух лошадей, обмениваясь мнениями и информацией. Роберт понимал, что они знают, о чем говорят. Он твердо решил поставить на лошадь, которую они заявят кассиру. Два американца уже говорили с кассиром. Роберт услышал имя лошади – «Рассвет над рекой»...

Роберт добавил еще к первоначальной сумме – уж больно убедительно говорили американцы. Роберт уже подходил к ложе, когда увидел почти бегущего ему навстречу Алана.

– На кого поставил? – почти требовательно спросил он Роберта.

– На «Рассвет над рекой»...

Начался последний забег. «Рассвет над рекой» почти всю дистанцию бежал ноздря в ноздю с другой лошастью... До самого финиша не было понятно, какая лошадь придет первой. Прозвучал гонг. «Рассвет над рекой» пришел вторым. Роберт видел лицо Алана. Это было лицо мертвеца. Он смотрел на Роберта глазами, которые, казалось, увеличились вдвое. Роберт смотрел на него спокойно. Следующие доли секунды Роберт запомнит навсегда. Люди еще

не успели переварить сообщение, как голос диктора объявил, что финиш был очень трудным для решения, поэтому судьи прибегли к фотофинишу, который показал, что победил... «Рассвет над рекой». Роберт посмотрел на Алана: он стоял в той же позе и так же смотрел на Роберта неестественно расширенными зрачками. Впервые в жизни Роберт увидел, как по лицу человека льются струи крупного пота, льются ручьями. Алан исчез мгновенно... В тот день Роберт больше его не видел. Все последующие годы Алан обращался к Роберту не иначе, как «сэр Роберт». С тех пор Роберт больше не бывал на скачках...

P.S. Роберт не торопился с получением денег. Когда он направлялся к кассе, американцы шли оттуда с двумя портфелями... Роберт никогда до этого момента не держал в своих руках такую большую сумму денег, принадлежащих лично ему. Он помнил, как чувствовал себя, запакowanego в деньги. Оказывается, деньги греют и успокаивают. Он медленно шел на стоянку, где его ждал любимый водитель и его любимый «ягуар», двенадцать цилиндров.

Роберт спокойно подошел к «ягуару». Водитель с улыбкой заметил:

– Вы знаете, сэр, как в Англии говорят после скачек: немного беднее, но счастливее.

– Нет, Альф, эти слова надо менять: мы намного богаче, а значит, и намного счастливее!

Впервые Роберт отблагодарил своего водителя не деньгами компании, а своими личными – водитель получил от него свою месячную зарплату.

Пей до дна?!

Юрий запомнил на всю жизнь один из уроков химии в средней школе. Вообще насчет школы ему здорово повезло. Правда, в начальных классах – тогда первые четыре года назывались начальной школой – с преподавателем Юрию не повезло. Во всех отношениях, как казалось Юрию, это был физический и нравственный урок. Юра, как и все дети, не был ангелом. Но у него было какое-то странное чувство вины. Когда «училка» писала что-нибудь на доске, обращенная своим могучим задом к классу, каждый сразу же переходил к своему любимому делу. Самым распространенным занятием была стрельба из металлической трубки, которая была частью ученической ручки с двумя наконечниками: с одной стороны для карандаша, с другой – для чернильного пера. Вытащив оба наконечника, мальчишки превращали ручку в оружие, из которого стреляли в основном жеваной бумагой, превращая ее в шарик.

Так вот, все всегда ждали, когда объемное и низкое тело Марии Васильевны окажется спиной к классу. Как правило, мальчишки стреляли друг в друга, но часто особо «меткие» стрелки попадали или в доску, на которой учительница писала что-то, или еще хуже – в нее саму. Обычно сильно дувшие в трубку пацаны не отличались точностью. И тогда, особенно когда промахивались несколько учеников сразу, удар приходился и по доске, и по спине, и по заду «училки». Все сразу замирали. Мария Васильевна медленно поворачивалась к классу – и ее большое и жирное лицо (впоследствии Юрка определил, что оно было похоже на лицо Луи Филиппа из учебника истории для средней школы) становилось еще больше, и изо рта ее вылетал вопрос:

– Кто это сделал?

Все молчали. Тогда она выбирала жертву, похожую на виновника. Жертвой каждый раз оказывался Юрка – на его детском лице всегда можно было прочесть выражение виноватого шалуна, хотя виновником он и не был. Далее следовал короткий допрос:

– Юрка, встань! Это ты?

– Нет.

– А кто?

– Я не знаю.

– Как это – ты не знаешь? Тебя что – не было в классе?

– Был.

– Тогда кто?

– Я не знаю.

– Не знаешь? Тогда после уроков оставишь свой портфель у меня и пойдешь за матерью, пусть она придет в школу.

На первой же после урока перемене учительнице было просто узнать, кто из учеников попал в нее. Во время перемены Юрка квасил носы и набивал синяки под глазом или одному, или сразу двум пацанам, которые не признавались, что это именно они, промахнувшись, попали туда, куда, может быть, и не целились, и у них не хватило смелости признаться. Расправа Юрки добавлялась к его преступлениям, и он знал, что теперь целый день у него испорчен. Но только самоличной расправой Юрка приучал пацанов признаваться, когда «училка» допрашивала его, – все-таки никому не хотелось быть им битым. А Юрка был известный боксер, особенно хорошо у него получалось «брать на кумпол» – головой квасить нос. В общем-то с этой «училкой» Юрке жилось несладко. Но с пятого класса, когда по каждому предмету был отдельный учитель, начались золотые школьные дни.

Школа, где учился Юрка, еще в 1905 году была реальным училищем. В старших классах почти все учителя были пожилые люди, некоторые из них оканчивали это реальное училище. Впоследствии Юрий поймет, что самая главная ценность тех педагогов заключалась в том, что

это были педагоги по призванию, от Бога, они любили детей. Успешный ученик радовал их, как будто он был их ребенком.

Вот и на том запомнившемся уроке химии пожилая учительница Александра Аристарховна, опросив несколько учеников, закрыла классный журнал и сказала:

– Все хорошо. Я вижу, вы усвоили эту тему. Сегодня мы переходим к другому разделу. Он называется «Спирты».

Как только она произнесла слово «спирты», мальчишка на первой парте, которого она всегда называла «мальчик с ямочками», щелкнул себе по горлу, обозначив всем понятный жест – «выпить».

– Ах ты, ямочки! Что это ты показал? Я тебе покажу! Ах ты негодник! Это ты где научился? – Александра Аристарховна, раздосадованная жестом «ямочек», уже совсем другая женщина, резко отодвинула от себя учебники химии и все другие бумаги, которые она готовила для урока. – Раздел «Спирты» вы прочитаете сами. Я хочу вам, дети, рассказать о том, что вот такие жесты – это не шутка. Ах, вот этот с ямочками, я тебе покажу!

Все оставшееся время она рассказывала мальчишкам простым языком, какая трагедия ожидает людей, попадающих под влияние зеленого змия. Потом, гораздо позже, Юрка, вспоминая лицо своей учительницы, ее озабоченность и ту страсть, с которой она хотела донести до ребят беду, скрытую в бутылке водки, понимал, что все, о чем она говорила, она скорее всего знала не понаслышке и что она, видимо, прошла через страдания, переживания за близких для нее людей, которых этот зеленый змий «укусил».

Да, те педагоги любили детей. Они беспокоились за них как за своих родных. В этом, может быть, и есть сила учителя – не только любить и знать свой предмет, но и любить тех, кого они учат. В этом отношении Юрию действительно здорово повезло.

Конечно, «зеленый змий» появился еще на заре цивилизации. Причем географическая среда, в которой жил человек, климат, растительный мир, в конце концов – характер самой нации и многое другое в определенной степени диктовали возникновение и употребление того или иного напитка. Мир «змия» разнообразен, и, наверно, видов алкоголя больше, чем видов реальных змей.

Советская система, с ее диктатурой партии, или, как говорил друг Юрия, с ее крепостнической основой, имела свою, отличную от других, философию бытия. Советский народ пил по любому поводу: родился или умер человек, получил образование или получил орден, шел в наступление во время войны или отступал под давлением врага, изменила ему жена или ушла девушка, проиграла его футбольная команда или выиграла, и так далее, и тому подобное. Но ведь почти все и везде во всех странах пьют, с различными вариациями. Вот здесь, наверно, и зарыта собака. Попросту говоря – а как пьют?

Юрий помнил из российской истории, как Александр III отправил своего талантливого министра финансов Витте в заграничную командировку в Англию, Германию и Францию с заданием – понять и изучить новые направления в экономике, финансах, промышленности, образовании и так далее и представить царю свои рекомендации: что можно освоить и применить в России. Витте вернулся с обширным докладом и своими предложениями. Сама идея царя очень понравилась министру. Витте ждал, когда царь вызовет его для устного доклада и указания – что делать.

К удивлению Витте, царь вызвал его довольно-таки быстро.

– Ну что, Сергей Юльевич, я подробно прочитал ваш доклад. Мне понравилась простота вашего изложения. Это значит, что вы прекрасно разобрались во многом и знаете, как мы всё это можем осуществить в России. Особенно мне понравились идеи относительно железных дорог и станций, банков и внешней торговли. Я одобрил и подписал ваш доклад. Действуйте, как предложили.

– Большое спасибо, Ваше Величество, приступлю незамедлительно.

Короткая пауза.

– Вот скажите мне, Сергей Юльевич, в странах, где вы побывали, люди ведь тоже пьют, только, наверное, меньше нашего?

Царь Александр III за время своего тринадцатилетнего царствования ни разу не был за границей, будучи ярким представителем Дома Романовых. Он, как и многие Романовы, дружил с «зеленым змием», может быть, даже больше других. Витте, конечно, знал об этом. Знал, как серьезно жена царя, датская принцесса Мария Федоровна, всячески оберегала его, но...

– Вы знаете, Ваше Величество, я должен сказать, что, может быть, пьют там иногда и больше нашего, но вот напиваются меньше.

Царь был доволен ответом.

В чем все же секрет, что там меньше напиваются? Здесь, наверное, много причин. Но есть все-таки несколько главных. Справедливости ради надо отметить слова Витте: напиваются меньше нашего. Это его наблюдение, сделанное более сотни лет назад. Сегодня отдельные слои населения и там, на Западе, напиваются не меньше нашего. А вот все-таки репутация – что мы не прочь лишний раз пропустить по маленькой – почему-то за нами остается. Сегодня алкоголизм, без сомнения, стал глобальной бедой. Почему люди становятся алкоголиками? Легче всего сказать, что это болезнь. Хорошо, но тогда у нее должны быть причины. Ведь этой болезнью нельзя заразиться, как гриппом. А вот генетическая предрасположенность явно существует. Нет сомнений, что социальная среда, семья, условия жизни, устроенность человека, уровень его жизни, природные условия, традиции, отношение большей части общества к питию, и так далее, и тому подобное, – все это и многое другое предопределяет эту страшную болезнь. «Культурно» пить получается не у всех.

Юрий относился к той группе людей, которых миновал бич пития, он был сторонником выпить для души. Поначалу Юрий вообще не мог пить. Его организм просто отвергал спиртное. После окончания института, уже работая, он понял, что если не научиться пить, то он останется в стороне от общества, и его карьера вряд ли состоится. Научиться пить, но не стать алкоголиком, решил он. Задача не из легких. Увлечения рыбалкой и охотой просто-таки гармонировали с водкой. Без этого, особенно на охоте или рыбалке с коллегами или друзьями, обойтись было нельзя. Юрий перевидал на своем пути разные калибры пьющих. Выпивая с некоторыми из них, особенно стоящими выше него по карьерной лестнице, он дважды почти умирал. Но они уважали его. Особенную трудность для Юрия представляли боссы, которые могли пить безмерно, не закусывая и довольствуясь только водой. Много пить и не есть, не закусывать – для Юрия это было просто смертельно.

Однажды в кабинете высокого начальника, который был намного старше Юрия, выпивали по случаю удачного отчета в Кремле, который они готовили вместе. После трех заходов Юрий честно признался, что без закуски ему трудно одолеть четвертую.

– Это не проблема, – сказал главный, подходя в кабинете к своему письменному столу. – Вот, у меня здесь в отделении всегда есть чем закусить.

Он достал металлическую коробочку со слипшимися конфетками монпансье, которые, видимо, были там не один год. С такой закуской Юрий добрался до дома уже на грани... Но они стали друзьями. Ведь правильно говорят, что водка душу смягчит и сближает людей. Конечно, было бы глупо думать, что достаточно выпить вместе, выпить хорошо и много – и дружба обеспечена. Все далеко не так. В основе все-таки всегда была работа, высокая профессиональная подготовка. Пей да дело разумей – это известно давно...

Многие считают, что пьянство на Руси возникло из безысходности. Хорошо известно из истории, что государство русское со времен Ивана Грозного и его опричнины не давало простому люду свободно дышать. И народ находил утешение в забвении, напиваясь при первой возможности. Ведь страшно подумать, что на протяжении более тысячи лет люди, прожива-

ющие на территории, которую можно было назвать Россией или русскими княжествами, ни одного дня не были свободными людьми. Куда же деваться от такой неволи? Где и в чем найти утешение?.. А уж после того, как Борис Годунов, преследуя, казалось бы, практические цели, запретил крестьянам перебежать от одного землевладельца к другому и ввел, по сути, крепостное право, – простой люд превратился в крепостных рабов. Ну как тут не пить?

Диктатура большевиков если и не спаивала народ, то и не мешала ему минимум два раза в месяц, получив аванс и получку, забыться в объятьях «зеленого змия»...

Витте как-то сказал Александру III: вот если бы научить народ культурно пить – зачем обязательно напиваться? Этот вопрос – зачем обязательно напиваться? – задают и сегодня многие нормальные и любящие выпить люди. Однажды Юрий получил исчерпывающий и простой ответ.

На охоте, в прекрасном месте на Волге, после вечерней зорьки в доме охотников, как правило, ужинали все вместе. В особые места охоты простому смертному попасть было невозможно. Таким образом за столом были, как говорилось, очень уважаемые люди, один другого важнее. А пили как!..

В один из таких вечеров Юрий, сам прилично поддав, спросил человека, которого он уважал как высокого уровня профессионала, талантливого и, что подкупало Юрия, порядочного человека:

– Ну зачем, Аркадий Петрович, обязательно напиваться до чертиков? Зачем?

– Зачем? А зачем пить, если не напиваться?

И напивались, хотя все время говорили: «Пьем не водки ради, а здоровья для»...

В другой раз, когда Юрию стало очень плохо от обильно принятого, он пожаловался своему другу:

– Понимаешь, я больше не могу, мне просто плохо. Надо слинять.

Ответ его поразил:

– А ты посмотри, Юра, посмотри вокруг. А кому здесь хорошо?

И это было правдой.

Юрий вступил в партию и научился пить (как, наверное, и многие другие) только для того, чтобы им не управляли всякие подонки, а он бы управлял ими.

Сама система монополюющей власти одной партии настолько закрепила людей, что способные и даже высокоинтеллектуальные специалисты вынуждены были приспособливаться и находить для себя приемлемые пути жить в мире с партией, а в результате этого, как правило, подавляющая часть членов партии не верила в весь этот бред – моральный кодекс строителя коммунизма и так далее. Что же это было за общество? И вообще, было ли такое общество в истории человека? Говорят одно, делают другое, большинство людей не верят царю, но склоняют перед ним голову. Если царь назвал черную ворону белой, то подвластные ему люди, видя, что ворона черная, все же говорят: нет, смотри, как белым отдает, надо только приглядеться... Из государственной системы сделали какую-то странную игру, почти все знают, что правила игры никуда не годятся, а все продолжают играть. Просто дом, в котором все нормальные люди притворяются как минимум сумасшедшими. Кто не научился играть по правилам, тот практически получает красную карточку и выбывает из игры. Выбывшие теряются в жизни, хотя некоторые все-таки возвращаются в игру: либо покаявшись, либо будучи настолько потенциально значимыми, что «сильные мира сего» при смене генерального секретаря возвращали их обратно. Многие возвращенные приживаются, а многие, видно, генетически, все-таки не в силах смириться с этим кошмаром. Неужели этот кошмар продолжается?

А что современная система? Юрий часто задавал себе этот вопрос. И, несмотря на свое критическое отношение, иногда даже отрицание процессов, происходящих в современном обществе, он пришел к выводу: если ему сегодня дадут выбор между временами советской власти и сегодняшним днем, он выберет день сегодняшний. Почему? Да потому что сегодня,

что бы ни говорили люди, а появляются ростки, элементы того, без чего человек, даже homo sapiens, – не человек. А что дальше? Юрий часто вспоминал ответ отца на вопрос – что будет? Отец в шутку и всерьез говорил:

– Что было, то было. Что есть, то есть. А что будет, то уже было.

Вот как? Уже значительно позже, раздумывая о будущем России, Юрий написал короткое стихотворение, как он называл его – «а-ля Тютчев»:

Понять пытались многие тебя!
Пытались многие тебя измерить.
И как стремились многие, любя,
В великую звезду твою поверить!
Но, никому секретов не раскрыв,
Не оскорбляя никого презреньем,
Ты вечно вдаль с надеждою глядишь,
Завидуя грядущим поколениям...

Танец для Сталина

Это случилось в далекие советские времена, которые даже тем, кто прошел через них большую часть своего жизненного пути, кажутся почти нереальными с точки зрения системы, через которую должны были пройти люди от рождения и до смерти... Да, в те времена, когда слушать радиостанции «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Свобода» и другие подобные автоматически означало едва ли не предательство Родины. Но и тогда мальчишки и девчонки впервые влюблялись, как многим казалось, раз и навсегда, на всю жизнь... Первокласники с гордостью носили красную звездочку октябренька, ученики средней школы – красный галстук пионера, а в четырнадцать лет вступали в комсомол...

Да, в те далекие времена счастье было счастьем настоящим. Юноши и девушки были гордостью нации, строителями новой жизни, где все равны... Пропаганда делала свое дело. Многие искренне верили, что можно построить общество, в котором все будут жить по принципу: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям.

Время, жизнь, опыт и познание мира постепенно расставляли все по своим местам. И все равно: было и голодное, холодное, но счастливое детство, и юность с ежедневным ведением дневников, основной темой которых была дружба и любовь; были прекрасные школьные утренники для подростков, незабываемые школьные вечера для старшеклассников, вечера-праздники (нередко в масштабах целого города) выпускников средних школ; была студенческая жизнь, капустники. Все это было! И кто скажет, что это не была пора прекрасного юношества...

На планете Земля не существовало, да и никогда не будет идеальной государственной системы, по той простой причине, что сам человек, создатель этой системы, хотя и homo sapiens, но все-таки далеко не идеальное и совершенное создание...

Кроме того, это создание до сих пор до конца не может понять, как работает его собственный мозг, моделирующий различные системы, включая систему государственного строительства и управления...

Человек стоит выше системы. Даже в условиях самых жестких систем он может быть счастливым и успешным, занимаясь своим любимым делом... Только, как правило, это оказываются не те люди, которые борются за власть...

В далекие советские времена великий Советский Союз был одним из самых многонациональных государств на Земле: на его территории проживало более ста народов, около 150 наций.

Управлять таким государством было непросто. Единый государственный русский язык, обязательный предмет во всех школах, расположенных на территории в одиннадцать тысяч километров с запада на восток, был важным связующим элементом этой многонациональной империи...

Каждый народ, даже самый небольшой, стремится поддерживать свою этническую и культурную идентичность. Язык, конечно, является при этом основным критерием. Однако ярче и быстрее всего узнавались разные национальности не только по языку, но по песням и танцам. Советский Союз создал небывалое количество национальных ансамблей песни и пляски, многие из которых прославились на весь мир.

...Шел 1935 год... Молодое советское государство только вставало на ноги. Казалось бы, самому государству, да и людям было не до танцев... Но когда в Лондоне, в центре величайшей современной многонациональной империи, состоялся Всемирный фестиваль исполнителей народных танцев, там были представлены и танцоры из СССР.

Сорок лет спустя молодой советский сотрудник Внешторга Роберт волею судьбы оказался в Лондоне, где в мировом финансовом центре в Лондонском Сити начал работу в качестве президента частной английской компании, акционерный капитал которой еще со времен 20-

х годов прошлого века принадлежал Советскому Союзу. Да, были такие компании, которые молодая Советская Россия создавала за границей для добывания так необходимой ей свободно конвертируемой валюты.

Друзья Роберта из Тбилиси обратились к нему с просьбой помочь в случае необходимости руководителю грузинского ансамбля национального танца, который находился на гастролях в Лондоне. Обычное дело среди друзей...

Роберт разыскал этот ансамбль. Руководителем ансамбля оказался Илико, который в 1935 году участвовал в лондонском фестивале. Роберт познакомился и с женой Илико – Нино. Они были создателями и первыми руководителями ансамбля народного танца Грузии в 1945 году. Сидя в гостях у Роберта, в уютном саду его дома в районе Хэмпстеда, Нино и Илико рассказывали, как все начиналось в далеком 1935-м...

И Нино, и Илико были прирожденными танцовщиками. В 1935 году они уже поженились, но в состав советской делегации в Лондон включили только Илико: отец Нино был репрессированным. Илико страшно переживал, но Нино убила его ехать в Лондон без нее...

– Я танцевал один, но постоянно чувствовал присутствие Нино, – вспоминал Илико.

Нино внимательно его слушала и улыбалась.

Жена Роберта Наташа не удержалась:

– Как в сказке! – из самого сердца вырвалось у нее.

Никто не ожидал, не ожидал и сам Илико, но в таком большом всемирном соревновании именно он, парень из Советского Союза (а в эти годы он уже танцевал в Большом театре в Москве), парень из далекой Грузии, получил Гран-при, золотую медаль!

Сама королева Великобритании Мария Текская, жена короля Георга V, вручала Илико золото победителя. Все для молодого танцовщика было впервые: первый раз он оказался за границей, первый раз был в столице Британской империи Лондоне, первый раз соревновался в рамках мирового форума национальных танцев и завоевал золотую медаль, главный приз конкурса.

Илико вспоминал, что у него было странное чувство: ему казалось, что это случилось не с ним... И вот он получает из рук королевы (подумать только – самой английской королевы!) золотую медаль.

– Когда я шел к королеве за наградой, – говорил он, – я боялся, что могу упасть, – так сильно волнение овладело мною... Королева улыбнулась мне, что-то сказала по-английски, я почувствовал сильную внутреннюю дрожь и... поцеловал ее руку. С этим поцелуем у меня потом вышли проблемы. Советский посол выговаривал мне, что королеве простой смертный, да и любой другой живой, не может целовать ручку. «Тебя что, не учили?..» Я, конечно, расстроился...

Когда приехали в Москву, группу участников фестиваля принимал сам Сталин. Впервые я увидел его наяву...

Танцоры стояли в одну линейку, Сталин поздравлял: «Молодцы! Не подвели. А кто тот смельчак, который поцеловал руку королеве?»

«Кончено!» – мелькнуло в голове, и все внутри закипело. Наверное, посол доложил (такая уж у него работа).

«Это я, товарищ Сталин», – голос заметно дрожал.

Сталин заулыбался, подошел: «Молодец, Илико! Настоящий мужчина», – и похлопал по плечу... Я боялся, что упаду в обморок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.